

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ И ПРАКТИКИ

1-2023

Главный редактор: Коваль Е.А. (Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), Саранск, Россия)

Редакционная коллегия:

Беляева Е. В. – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь);

Жадунова Н. В. – кандидат философских наук, декан факультета дополнительного образования Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева;

Зимбули А. Е. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена;

Каминский А. М. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики и судебных экспертиз Удмуртского государственного университета;

Кулешова Г. П. – доктор социологических наук, профессор, директор Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Логинов А. В. – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Осмонова Н. И. – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии науки Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина (г. Бишкек, Киргизская (Кыргызская) Республика);

Подольный Н. А. – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Казанского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Романовский Г. Б. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Уголовное право» Пензенского государственного университета;

Саликжанов Р. С. – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (г. Нур-Султан, Республика Казахстан);

Спринчан С. Л. – доктор хабилитат политических наук, доцент, ученый секретарь Института юридических, политических и социологических исследований (г. Кишинев, Республика Молдова);

Суслов И. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии Саратовской государственной юридической академии;

Сычев А. А. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева;

Ушкин С. Г. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга»;

Федосеев Р. В. – доктор исторических наук, доцент, исполняющий обязанности заместителя директора по учебной работе Казанского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Фофанова К. В. – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева;

Чекушкина Е. Н. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева;

Шатино Л. Г. – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии;

Шигуров А. В. – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России);

Юрченкова Н. Г. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права и философии Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

Издатель: Средне-Волжский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Саранске.

Периодичность: 4 раза в год.

Выходит с 2019 года. До 2021 года журнал выходил под названием «Российский хороший журнал».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ:
ЭЛ № ФС 77 — 74637 от 24.12.2018

Адрес редакции: Российская Федерация, 430003, г. Саранск, ул. Федосеенко, д.6
e-mail: snpractice13@gmail.com;
сайт: <https://snpractice.ru/>

Editor-in-Chief: Ekaterina A. Koval (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia

Editorial Board:

Elena V. Belyaeva (Belarusian State University), Minsk, Belarus;

Natalya V. Zhadunova (National Research Mordovia State University), Saransk, Russia;

Andrey E. Zimbali (Herzen State Pedagogical University of Russia), St. Petersburg, Russia;

Alexander M. Kaminsky (Udmurt State University), Izhevsk, Russia;

Galina P. Kuleshova (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia;

Alexander V. Loginov (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia;

Nurgul I. Osmonova (Kyrgyz-Russian Slavic University), Bishkek, Kyrgyzstan;

Nikolay A. Podolny (Kazan Law Institute (branch) of of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Kazan, Russia;

Georgy B. Romanovsky (Penza State University), Penza, Russia;

Rinat S. Salikzhanov (L.N. Gumilyov Eurasian National University), Nur-Sultan, Kazakhstan;

Sergey L. Sprinchan (Institute of Legal, Political and Sociological Research, The Academy of Sciences of Moldova) Kishinev, Moldova;

Ivan V. Suslov (Saratov State Law Academy), Saratov, Russia;

Andrey A. Sychev (National Research Mordovia State University), Saransk, Russia;

Sergey G. Ushkin (Scientific Centre for Social and Economic Monitoring of the Republic of Mordovia), Saransk, Russia;

Roman V. Fedoseev (Kazan Law Institute (branch) of of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia;

Katerina V. Fofanova (National Research Mordovia State University), Saransk, Russia;

Elena N. Chekushkina (Yevseyev Mordovia State Pedagogical University), Saransk, Russia;

Ludmila G. Shapiro (Saratov State Law Academy), Saratov, Russia;

Alexander V. Shigurov (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia;

Nina G. Yurchonkova (Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), Saransk, Russia.

Founder: All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Publisher: Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Frequency: 4 times per year

First issue: 2019. Until 2021, the journal was published under the name «Russian Good Journal».

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). The Mass Media Registration Certificate No. EL № FS 77 — 74637 on December 24, 2018

Editorial address: 6 Fedoseenko Str., Saransk 430003, Russian Federation
e-mail: snpractice13@gmail.com;
website: <https://snpractice.ru/>.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Кондратьева А.Н.</i> Эволюция канонического права Западной Европы в дограциановский период: осмысление необходимости систематизации	7
<i>Шигуров А.В.</i> Запрет определенных действий в уголовном процессе: проблемы правового регулирования и практики применения	19
<i>Шигурова Е.И.</i> Проблемы использования результатов оперативно-технических мероприятий в доказывании по уголовным делам	28

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ: МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ

<i>Венгура Д.С.</i> К критике постантропоцентризма: Кант, Харман, Мейясу	36
--	----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Дьяченко Ю.В.</i> Политическая реклама как стратегия формирования высокого уровня культуры демократии граждан	48
--	----

ДИСКУССИЯ

<i>Зимбули А.Е.</i> Книга Л.С. Выготского «Психология искусства», читанная с карандашом	58
---	----

TABLE OF CONTENTS

LEGAL SCIENCES

<i>Kondratyeva A.N.</i> The evolution of the Western Europe canonical law during the pre-Gratsian period: comprehension of the need to systematization	7
<i>Shigurov A.V.</i> Prohibition of certain actions in criminal proceedings: problems of legal regulation and practice	19
<i>Shigurova E.I.</i> Problems of using the results of operational and technical measures in evidence in criminal cases	28

PHILOSOPHICAL SCIENCES: YOUNG SCIENTISTS

<i>Vengura N.V.</i> Criticising postanthropocentrism: Kant, Harman, Meillassoux	36
---	----

SOCIOLOGICAL SCIENCES

<i>Dyachenko Y.V.</i> Political advertising as a strategy for building a high-level culture of citizens' democracy	48
--	----

DISCUSSION

<i>Zimbuli A.E.</i> Vygotsky's book «The psychology of art», which was read with a pencil in hand	58
---	----

УДК 348

DOI: 10.24412/2713-1033-2023-1-07-18

А. Н. Кондратьева

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Саранск, Россия, e-mail: annaalyakina@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В ДОГРАЦИАНОВСКИЙ ПЕРИОД: ОСМЫСЛЕНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

В данной статье автор рассуждает о возможности поэтапной детализации дограциановского периода развития канонического права. Подробный анализ эпохи позволяет сделать вывод о постоянном взаимодействии и взаимовлиянии двух систем – римского права и канонического права. Это взаимовлияние сильно сказалось на формировании у Церкви стремления к полноценной систематизации норм по аналогии с Кодексом Юстиниана.

В результате применения обширного методологического инструментария установлено, что уже в дограциановскую эпоху формируется постоянная тенденция в развитии канонического права – стремление к кодификации. Если говорить в широком понимании о кодификации права в смысле группировки различных законов, то можно сказать, что она присутствовала в каноническом праве с самого начала его существования, и изложенный в тексте статьи подход к выделению этапов развития канонического права в дограциановский период наглядно это демонстрирует.

Ключевые слова: каноническое право, канон, римское право, периодизация, систематизация, кодификация, «Декрет Грациана»

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках конкурса на лучшие научные проекты фундаментальных исследований по теме «Теология в контексте междисциплинарных научных исследований» (проект № 21-011-44239 «Нормативные измерения христианских канонов: традиции и динамика»).

A. N. Kondratyeva

Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Saransk, Russia, e-mail: annaalyakina@yandex.ru

THE EVOLUTION OF THE WESTERN EUROPE CANONICAL LAW DURING THE PRE-GRATSIAN PERIOD: COMPREHENSION OF THE NEED TO SYSTEMATIZATION

In this article, the author discusses the possibility of a phased detailing of the pre-Gratian period in the development of canon law. A detailed analysis of the era allows us to conclude that the two systems – Roman law and canon law – are constantly interacting and mutually influencing. This mutual influence had a strong impact on the formation of the Church's desire for a full-fledged systematization of norms by analogy with the Code of Justinian.

As a result of the application of extensive methodological tools, it has been established that already in the pre-Gratian era, a constant trend in the development of canon law is formed: this is the desire for codification. If we talk in a broad sense about the codification of law in the sense of grouping various laws, then we can say that it was present in canon law from the very beginning of its existence, and the approach outlined in the text of the article to highlight the stages of development of canon law in the pre-Gratian period clearly demonstrates this.

Keywords: canonical law, canon, Roman law, periodization, systematization, codification, «*Decretum Gratiani*»

Acknowledgment: The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the competition for the best scientific projects of fundamental research on the topic «Theology in the context of interdisciplinary research» (project No. 21-011-44239 «Normative dimensions of Christian canons: traditions and dynamics»)

Введение

В эпоху классического средневековья Римско-католическая церковь была не только самым крупным и организованным учреждением в Западной Европе, но и имела самые богатые интеллектуальные ресурсы и самую эффективную правовую систему. Для средневековых юристов римское право и каноническое право является *ius commune* или общим правом¹. Средневековая Церковь была ведущим общественным учреждением в Западной Европе, что подтверждалось, в том числе, и наличием самостоятельной юрисдикции епископа (*episcopalis audientia*) [Sirks, 2013: 79-88; Wojtczak, 2021: 108-149].

Однако, путь, который прошло каноническое право от разрозненного комплекса норм к полноценной систематизации, был непростым и достаточно длительным. Несмотря на его историческую значимость, анализ эволюции канонического права на Западе в дограциановскую эпоху, четко показывает, что Римская церковь того периода выстраивала внутренние и внешние отношения на наследии римского права. С этой точки зрения представляется правомерным рассматривать каноническое право как обширную модификацию древнеримского права. Тем не менее, социальная и юридическая значимость подобных модификаций заставляет нас взглянуть на достижения средневековых канонических юристов в другом свете, а именно – переосмыслить исторические основания современного права. Именно каноническое право существенно повлияло на европейскую правовую традицию и, кроме того, разделило

¹ *Jus commune* или *ius commune* (лат.) – «общее право».

международное сообщество того времени [Giago, 2019]. В этой связи вызывает интерес вопрос о периодизации канонического права дограциановской эпохи, его трансформации и преемственности.

Материалы и методы

При подготовке данного обзора нами был использован широкий методологический инструментарий. Основу составили как общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция, системный подход и др.), так и специальные методы историко-правовой науки. Большое значение для формулировки выводов имеет логический метод, который традиционно используется в целях уяснения смысла правовых норм и установления их действительного содержания. Формально-догматический и сравнительно-правовой методы позволили сформулировать вывод о необходимости детализации дограциановского периода развития канонического права на латинском Западе.

Результаты и обсуждение

Формирование классического канонического права вполне справедливо называют «Ренессансом двенадцатого века» [Alesandro, 1984]. Прогрессивные течения средневековой политико-правовой мысли, расширяя и систематизируя человеческое знание, запустили процесс оформления канонического права. Конечно, двенадцатое столетие не стало тем моментом, когда у Церкви появился свой закон. На протяжении всей истории развития она творила свои дисциплинарные нормы. Издание императором Константином Эдикта в 313 г. приводит к тому, что Церковь получает возможность легально осуществлять свою деятельность, открыто образуя довольно сложные социальные структуры и связи, которые, в свою очередь, требовали процедурных норм и правил. Кроме того, обширные преобразования четко указывали на необходимость широкого применения этих норм в том случае, если Церковь собирается защищать и укреплять свое единство.

Учитывая богатейшую историю развития канонической юриспруденции на Западе, в науке были выработаны различные подходы к периодизации развития канонического права. В одной из своих публикаций, автор указывал на то, какого мнения придерживаются исследователи по данному вопросу [Кондратьева, 2021]. Так, одна группа ученых полагает, что развитие канонического права можно подразделить на следующие периоды:

- 1) период, предшествующий появлению трактата болонского монаха Грациана «*Decretum Gratiani*», т.н. «дограциановская эпоха» (I-XII вв.);
- 2) «грациановская эпоха», так называемый период классического канонического права (1140-1563 гг.);
- 3) «посттриденсткая эпоха» канонического права (1563-1869);
- 4) период великих кодификаций права в Латинской Церкви (1917 и 1983) и Восточных церквях (1990) [Stickler, 1950: 26-30].

Другая группа исследователей придерживается, в целом, аналогичного подхода и выделяют следующие периоды в истории развития канонического права:

1) «так называемый *ius antiquum* – появление источников первого тысячелетия церковной истории;

2) *ius novum* – от появления трудов монаха Грациана до Тридентского собора (1545-1563);

3) *ius novissimum* – период развития канонического права, характеризующийся влиянием конкретных принципов отцов Собора, сформулированных в ответ на лютеранские теории;

4) *ius codificatum*, или, точнее, период великой кодификации церковного права. Этот период длится от публикации первого Кодекса для Латинской Церкви Бенедикта XVI² в 1917 году до 1983 года, когда он был отменен в пользу действующего Кодекса, введенного Иоанном Павлом II, и до публикации Кодекса канонов Восточных церквей в 1990 году» [Цит. по: Nacci, 2016: 101].

«Исходя из имеющихся подходов к периодизации, мы можем сделать вывод о том, что «Декрет Грациана» стал неким пограничным моментом в развитии канонического права, заложив совершенно новые подходы к роли Церкви и канонических юристов в средневековом обществе как активных субъектов нормотворчества» [Кондратьева, 2021: 19].

Исследовав данный вопрос более детально, мы пришли к выводу о том, что предложенные периодизации нуждаются в конкретизации. Полагаем, что первый, так называемый «дограциановский» период развития канонического права на Западе, можно подразделить на следующие основные этапы.

1) *Период ранней Церкви («Доникейский период»)*

Американский исследователь С. Вессель в работе «Формирование церковного права в ранней Церкви» детально анализирует самые ранние источники права Церкви – это послания Павла, Дидахе, труды апостольских мужей (лат. *patres apostolici*) и др. Они касались в первую очередь вопросов, которые отражали организационные и моральные стороны поведения христианской общины на самом раннем этапе ее существования [Wessel, 2012].

Первые три столетия все церковные институты фактически развивались вокруг идей апостольской преемственности и традиции. Возникновение монархического епископата (засвидетельствовано в письмах Игнатия Антиохийского) стало основой, на которой эволюционировала церковная организация. Каноническая дисциплина и богослужебные предписания обретали свою легитимность через ссылки на учение апостолов [Condorelli, 2012: 355].

Апостольская модель сыграла фундаментальную роль в возникновении и распространении практик Соборов, которая процветала в IV веке после окончания преследования Церкви. С появлением соборов в развитии канонического права произошел фундаментальный сдвиг. Как показывают Иерусалимский собор (между 50 и 52 годами), Поместный Анкирский собор (314

² В источнике ошибочно указано «Бенедикта XVI». На самом деле имеется в виду Бенедикт XV.

год) и Поместный Неокесарийский собор (между 315 и 319 годами), регулирование стало проблемой не отдельного сообщества, но и Церкви в целом.

По справедливому замечанию К. Пеннингтона «до IV века Ветхий и Новый Заветы, апостольские предания (подлинные и апокрифические), обычаи и каноны поместных соборов являлись четырьмя основными источниками церковных норм»³. IV век стал важным периодом для развития Церкви: именно тогда Римская Империя признает христианство официальной религией благодаря деятельности императора Константина, а у самой Церкви появляются еще два источника норм: писания Отцов церкви и послания епископов Рима.

Таким образом, правотворчество в конце Доникийского периода обретает все более четкие формы (появляются первые нормативные сборники, каноны, принятые поместными соборами) [Wessel, 2012].

2) *Период от первых Вселенских соборов до реформ Каролингов*

Отправной точкой данного периода стало решение императора Константина созвать Вселенский собор в Никее в 325 году с целью разрешения догматических споров. До провозглашения христианства официальной религией Рима, соборы тоже собирались, но они носили локальный характер и воспринимались общественностью как случайные харизматические события.

Первый Вселенский собор касался не только доктринальных вопросов, но и вопросов пастырской практики и дисциплины. Вселенские соборы породили свод общих правил, которые формировали так называемую дисциплинарную практику Церкви. Помимо этого, поместные соборы также принимали свои дисциплинарные нормы, которые добавлялись к растущему набору церковных законов.

В ранний период развития канонической юриспруденции многие правовые вопросы нашли ответы в документах, принятых епископами и папами. Позже эти документы будут именовать декреталями, многие из них пользовались авторитетом и сохраняли свое действие на долгие годы. Однако, учитывая отсутствие полноценной систематизации, данные источники раннего церковного права сохранились в довольно хаотичном виде.

Стоит отметить, что правовые позиции, отраженные в ранних источниках канонического права, использовались в источниках светского права. Например, многие канонические положения о браке были включены в «Corpus Juris Civilis». Однако, после распада Римской империи многие документы были утеряны, а сохранившиеся осели в библиотеках крупных монастырей и на долгие годы остались разрозненными. Таким образом, право Церкви в VI-VII вв. еще не было оформлено в систему [Alesandro, 1984: 166].

Если попытаться охарактеризовать состояние канонического права периода Вселенских соборов, то следует указать, что на Западе фактически одновременно действовали три правовые системы: римское право (с

³ Pennington K. A Short History of Canon Law from Apostolic Times to 1917. The Catholic University of America, Washington, D.C. URL: <http://legallhistorysources.com/Canon%20Law/ShortHistoryCanonLaw.htm>.

пережитками латинского языка), различные племенные законы (со своими развивающимися языками) и каноническое право (на латинице). Во многом Церковь и ее практика (и поэтому ее законы) были мостом между двумя разрозненными культурами и способствовали переходу к смешанной культуре.

К понтификату папы Геласия I (492-496 гг.) источники канонических норм на Западе были представлены на различных языках и в разных документах. Попытка составить единый сборник канонических текстов впервые была предпринята Дионисием Малым (Dionysius Exiguus), который прибыл в Рим в конце V века. Он свободно владел латынью и греческим, что позволило ему сделать новые, более точные переводы документов, принятых греческими соборами.

Он составил три сборника, которые включали 165 канонов, принятых Никейским и Первым Константинопольским собором 318 г., и расположил тексты в хронологическом порядке. В последнем сборнике, подготовленном по поручению папы Гормизда (514-523 гг.), Дионисий использовал и греческую и латинскую версии текстов, чтобы читатели могли их сравнить. Он также составил сборник папских декреталий в хронологическом порядке (от папы Сириция до папы Анастасия II (496-498 гг.)). Наконец, он объединил эти две работы в Свод канонов, которому ученые дали название «*Collectio Dionysiana*». Этот труд не был официальным собранием канонических норм, но получил широкое распространение. Значительное количество рукописей из этого собрания до сих пор хранится в европейских библиотеках. Позднее канонисты дополнили «*Collectio Dionysiana*»⁴.

В VI-VII вв. появился канонический сборник Крескония – «*Concordia canonum conciliorum*». Кресконий, в отличие от Дионисия, использовал не хронологический, а тематический подход к систематизации канонов. Кроме того, Кресконий составил указатель для своего сборника, чтобы его было легче использовать. Основные источники, которыми пользовался Кресконий, были каноны Вселенский соборов, папские декреталии, а также каноны ряда поместных африканских соборов. Похожим методом систематизации воспользовался другой канонист, болонский монах Грациан, но только пять столетий спустя. Как отмечает К. Пеннингтон, «во времена Крескония закон был слишком молод, а круг источников слишком ограничен, чтобы возникла потребность в согласовании противоречивых мнений и текстов»⁵.

Возможно, самый необычный канонический сборник до Каролингов был составлен в Ирландии около 700 г. Речь идет о «*Collectio Canonum Hibernensis*». Автор пытался создать наиболее полное собрание канонов, но при этом пожертвовал точностью: приводил сокращенные и измененные версии оригинальных текстов, давал некорректные ссылки на источники. Только

⁴ Pennington K. A Short History of Canon Law from Apostolic Times to 1917. The Catholic University of America, Washington, D.C. URL: <http://legalhistorysources.com/Canon%20Law/ShortHistoryCanonLaw.htm>.

⁵ Ibid.

сокращенная версия сборника содержала ссылки почти на 1600 текстов, из которых более 640 ссылок приходится на восточных и западных Отцов Церкви. «Ирландское собрание» использовалось не только как сборник канонических норм, но и как руководство для священников. Например, в разделе о воровстве приводятся не только различные виды воровства, но и перечисляются наказания, которые священнослужители должны налагать на кающихся в этом грехе. Еще одна особенность анализируемого собрания – включение правил, принятых даже поместными ирландскими соборами. До этого канонические сборники обычно не содержали правил малоизвестных поместных соборов, но в период с IX по XI вв. ситуация изменилась. В сборники стали включать нормы из все более широкого круга источников⁶.

К числу важных источников канонического права данного периода относится и римское право. Две работы, которые были в обиходе в эпоху раннего Средневековья – это Институции Гая и Сентенции Павла. Гай разработал учебник для изучающих римское право в середине II в., который стал чрезвычайно популярным. Его текст развивался на протяжении столетий, а наиболее влиятельной версией стал *Gai Epitome*, который был включен в «*Lex Romana Visigothorum*»⁷. В раннем Средневековье римское право и его интерпретации функционировали как набор норм права, который канонисты использовали в тех случаях, когда им было это необходимо.

3) Эпоха Каролингских реформ

В IX веке после коронации Карла Великого происходит попытка некой стабилизации христианского мира. Исследователи этой эпохи обратились к каноническому праву как к средству для проведения реформы и достижения единства. В период с 847 по 852 гг. на свет появляются «Псевдо-Исидоровы» или «Ложные Декреталии» (многие тексты тогда приписывались Исидору, чтобы придать им больший вес). Одна из главных стратегий этого документа – подчеркнуть полномочия, прерогативы и верховенство папы Римского.

Тот факт, что тексты были искусными подделками, был обнаружен лишь спустя семь столетий, однако, несмотря на это, они действительно оказались очень полезными в вопросах согласования уже разрозненного на тот момент канонического законодательства.

4) «Долгий десятый век» и начало Григорианской реформы

X и начало XI вв. именуют периодом между «каролингским ренессансом» и «григорианской реформой», или так называемым «долгим десятым веком». На самом деле, вопреки сложившимся суждениям, церковное право в это время отнюдь не погрузилось в темный период, а готовилось к эволюционным преобразованиям [Rolker, 2020]. Сложность понимания этого периода сводится

⁶ Pennington K. A Short History of Canon Law from Apostolic Times to 1917. The Catholic University of America, Washington, D.C. URL: <http://legalhistorysources.com/Canon%20Law/ShortHistoryCanonLaw.htm>.

⁷ Lex Romana Visigothorum and Epitomae. URL: <http://www.leges.uni-koeln.de/en/lex/lex-romana-visigothorum/>.

к тому, что в это время все источники канонического права существовали как бы в «горизонтальной плоскости», без четкой иерархии. Именно в этот момент осознается необходимость «вертикальной унификации», которая будет осуществлена позже – лишь в XII веке.

Г. Аустин отмечает, что в «долгий десятый век» церковное право на латинском Западе было плюралистичным во многих смыслах. Субъектный состав применения норм канонического права был весьма обширен: местные священники; аббаты и монахи; епископы, которые использовали каноны как в преподавании, так и в управлении епископскими судами, и др. Сборники канонического права этого периода продолжали использоваться и в эпоху Высокого Средневековья, что свидетельствует об их значимости. Церковное право в этот период основывалось на законодательстве Каролингов, а также на его институтах и структурах [Austin, 2022: 46-47].

Параллельно наблюдался процесс «канонизации» римского права, что стало основным толчком к оформлению концепции о необходимости систематизации канонического права. Именно этому периоду свойственно «приписывание» римских текстов отдельным церковным источникам [Austin, 2009: 122-124]. Так, к примеру, известный монах-бенедиктинец, аббат Регино Прюмский (Regino Prumiensis), работа которого стала богатым источником для более поздних канонических сборников, в начале X века разместил большое количество текстов из римского права в своей работе «*Libri duo de synodalibus causis et disciplinis ecclesiasticis*». Он включил в нее тексты из Кодекса Феодосия, Бревиария Алариха и Институций Гая [Austin, 2019].

К. Пеннингтон отмечает, что Регино Прюмский был весьма искусным редактором. Так, например, для обоснования принципа, согласно которому архиерейские решения, выносимые в суде, не могут быть обжалованы, он соединила два предложения из Конституции Константина «*Satis mirati sumus*»: «Все, что было принято по решению епископов, должно считаться святым и почтенным» и «Какое бы решение епископов ни было принято, оно не может быть рассмотрено повторно в новом судебном деле»⁸.

Это становится началом грандиозного периода преобразований и переосмыслений в канонической юриспруденции. Ученые-канонисты всерьез занялись формулированием систематических сборников законов Церкви. Однако, эти работы содержали расхождения, а в некоторых случаях и прямые противоречия.

Григорианская реформа XI века, названная в честь папы Григория VII, четко задала новый вектор развития – поиск формул для обновления древней дисциплины Римской Церкви.

С пробуждением западной цивилизации право стало жизненно важным. Римское право, которое исчезло из обихода несколько столетий назад, было

⁸ Pennington K. Early Medieval Secular Law in the Sources of Canon Law. URL: https://www.academia.edu/45043723/Early_Medieval_Secular_Law_in_the_Sources_of_Canon_Law.

заново открыто. Но Церкви нужно было нечто большее, так как в сложившемся климате одиннадцатого столетия ей необходимо было вывести свою деятельность из-под светского контроля. Церкви нужно было определить себя юридически и установить свои правила и нормативно-правовые акты.

5) *Эпоха Грациана и его систематизации*

В вопросах канонической систематизации огромным авторитетом обладает камальдолийский монах по имени Грациан, который преподавал в XII веке в Болонском университете. Согласно исследованиям, именно он является автором работы под названием «*Concordia Discordantium Canonum*» или «Декрет Грациана» (1141 г.). Цель данной работы – не просто систематизировать существующие нормы канонического права, но и устранить противоречия между ними.

Грациан связал каноны друг с другом, базируясь на диалектическом методе, и тем самым сформулировал довольно краткий свод канонического законодательства из многочисленных текстов, которые накапливались веками. К «Декрету Грациана» впоследствии были добавлены другие сборники церковного права, такие как соборные указы и папские декреталии.

По общему согласию и без какого-либо специального папского постановления «Декрет» болонского монаха стал основным учебным текстом для изучающих каноническое право, а также служил источником нормативного регулирования для канонистов.

В отличие от римских юридических текстов, лишь небольшое количество положений канонического права было написано профессиональными юристами. Безусловно, у них было юридическое содержание, потому что они касались вопросов церковного администрирования или осуществления христианских идеалов и принципов на практике. Однако, в процессе написания этих текстов их авторы не формулировали нормы так, как это сделали бы светские юристы. В большом числе случаев источники канонического права имели отношение к моральным вопросам [Giara, 2021].

Каноническое право, тем не менее, традиционно считалось чем-то более низким, чем Юстинианова компиляция, которая появилась раньше и в которой использовалось множество продвинутых юридических методов.

Источниками «Декрета Грациана» были Библия, сборник Юстиниана, учения Отцов Церкви, папские декреталии (*litterae decretales*), а также акты и постановления соборов христианской церкви. «Декрет» положил начало развитию канонического права как своего рода системы, пусть даже пока очень слабой. Первая часть трактата, содержащая 101 различие, была похожа на компиляцию Юстиниана. Вторая часть «Декрета» включала краткие примечания, называемые *dicta Gratiani*, дающая ответы на 36 фиктивных дел (*causae*). В третьей части «*Tractatus de consecratione*» анализировалось совершение таинств [Schrage, 1992].

Каноническое право было продуктом церковных источников и их интерпретации. Последователи Грациана, называемые декретистами, начали создавать новые глоссы и собирать существующие таким же образом, как и

гlossаторы римского права. Таким образом, дограциановский период завершается появлением первого систематизированного трактата, который признавался обществом как действующий источник права. Этот факт подтверждается появлением большого количества глосс.

В XIII-XIV вв. возникла острая конкуренция между комментаторами римского и канонического права. Несмотря на то, что две существующие системы права принципиально различались, а работа юристов в каждой из областей имела отличия и по содержанию, и по применению, каноническое и римское право были настолько переплетены, что одно нельзя было понять без другого.

В принципе, римское право имело дело с правосудием, направленным на мирское счастье и процветание, в то время как компетенция канонического права была направлена на спасение души (*salus animae*). Каноническое право и римское право взаимодействовали постоянно, следуя принципу дополнительности: с одной стороны, в отсутствие норм канонического права ожидалось, что церковные суды применяли гражданское (т.е. римское) право, а с другой стороны, светские суды регулярно учитывали общие принципы канонического права [Bellomo, 1995: 76-77]. На самом деле, несколько правил, принадлежащих к светскому частному и уголовному праву применялось и в пределах церковной юрисдикции. В целом, по предметным основаниям (*ratione materiae*), каноническое право регулировало дела, связанные с духовным элементом (*causae mere spirituales*), как, например, брак, а также родственные ему дела (*causae spiritibus annexae*), т.е. дела о церковном имуществе, о завещаниях и договорах, заключенных под присягой. Окончательно к церковной юрисдикции относились также дела, отличительной чертой которых был личный статус (*ratione personae*), в которых в качестве субъектов фигурировали либо клирики, либо находящиеся в неблагоприятном положении лица, такие как вдовы и сироты (*personae miserabiles*) [Kriechbaum, 2016: 361-370].

Таким образом, максимально сильное влияние римского права на развитие канонического права проявляется именно в эпоху Грациана. В этой связи вполне логично, что стремление канонического права к систематизации, а именно – к кодификации, является следствием активного взаимовлияния двух систем права на протяжении всей дограциановской, а затем и грациановской эпохи.

Выводы

Изложенное выше позволяет нам сделать вывод о том, что уже в дограциановский период формируется такая тенденция в развитии канонического права, как стремление к кодификации. Кодификация права, интерпретируемая как группировка различных законов, характерна для канонического права с самого начала его существования, что подтверждается представленным подходом к выделению этапов развития канонического права в дограциановский период.

Уже в древней Церкви сборники канонов играли важную роль для общества, и когда количество и тип источников росли, то потребность в их компилировании была объективной. До начала XII столетия в канонической

юриспруденции было огромное количество источников, однако, именно «Декрет Грациана» был хорошо организован по содержанию и по этой причине получил наибольшую популярность.

Работа Грациана была еще далека от современной концепции кодекса, но представляется, что в данном случае логично говорить о кодификации хотя бы части канонического права. В конечном итоге, тенденции, заданные в дограциановский период, нашли отражение в «Corpus Juris Canonici». Разрозненное состояние источников канонического права было основным стимулом для церковного законодателя, чтобы навести порядок в этом беспорядочном правовом лабиринте.

Список литературы (References)

1. Кондратьева А.Н. Канонические юристы как субъекты религиозного нормотворчества // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2021. № 3 (14). С. 15-24.

Kondratyeva A.N. (2021) Kanonicheskiye yuristy kak sub"yekty religioznogo normotvorchestva (Canonical lawyers as subjects of religious norm-making). *Humanitarian, political and legal studies*. No. 3 (14). P. 15-24. (In Russ.)

2. Wessel S. (2012) The Formation of Ecclesiastical Law in the Early Church. In Hartmann W., Pennington K. (Eds.) *The History of Byzantine and Eastern Canon Law to 1500*. Catholic University of America Press. P. 1-23. <https://doi.org/10.2307/j.ctt28524j.5>.

3. Alesandro J.A. (1984) Overview of the Revised Code of Canon Law. *The Catholic Lawyer*. Vol. 29. No. 2. P. 165-185.

4. Austin G. (2022) Canon Law in the Long Tenth Century, 900-1050. In *The Cambridge History of Medieval Canon Law*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 46-61. DOI: 10.1017/9781139177221.004.

5. Austin G. (2019) Regino of Prüm. In Reynolds P. (Ed.) *Great Christian Jurists and Legal Collections in the First Millennium* (Law and Christianity). Cambridge: Cambridge University Press. P. 444-457. doi:10.1017/9781108559133.022.

6. Austin G. (2009) Shaping Church Law Around the Year 1000: The Decretum of Burchard of Worms (Church, Faith and Culture in the Medieval West). Ashgate Publishing. 344 p.

7. Bellomo M. (1995) The Common Legal Past of Europe, 1000-1800. Washington: The Catholic University of America Press. 252 p.

8. Condorelli O. (2012) The History of Byzantine and Eastern Canon Law to 1500. Washington: The Catholic University of America Press. 372 p.

9. Giaro T. (2019) Legal Historians and the Eastern Border of Europe. In Beggio T., Grebieniow A. (Eds.) *Methodenfragen der Romanistik im Wandel*. Tübingen: Mohr Siebeck. P. 147-164.

10. Giaro T. (2021) Medieval canon lawyers and European legal tradition. A brief overview. *Review of European and Comparative Law*. Vol. XLVII. No. 4. P. 157-187. DOI: 10.31743/recl.12727.
11. Kriechbaum M. (2016) Die Zuständigkeiten der kirchlichen Gerichte im Spiegel der Legistik. *Glossae: European Journal of Legal History*. No. 13. P. 342-370.
12. Nacci M. (2016) Ius Proprium ac Nativum: Brief Reflections on the Historical Evolution of the Sources of Canon Law. *History Research*. Vol. 6. No. 2. P. 101-115. doi 10.17265/2159-550X/2016.02.004.
13. Rolker C. (2020) Monastic Canon Law in the Tenth, Eleventh, and Twelfth Centuries. In Beach A., Cochelin I. (Eds.) *The Cambridge History of Medieval Monasticism in the Latin West*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 618-630. doi:10.1017/9781107323742.032.
14. Schrage E.J.H. (1992) *Utrumque Ius*. Eine Einführung in das Studium der Quellen des mittelalterlichen gelehrten Rechts. Berlin: Duncker & Humblot. 137 s.
15. Sirks A.J.B. (2013) The episcopalis audientia in Late Antiquity. *Droit et cultures*. Vol. 65. P. 79-88. URL: <https://doi.org/10.4000/droitcultures.3005>.
16. Stickler A.M. (1950) *Historia Iuris Canonici Latini: Institutiones Academicæ*. Torino: Augustae Taurinorum.
17. Wojtczak M. (2021) Audientia sacerdotalis? Remarks on the Legal Nature of Dispute Resolution by Ecclesiastics in Late Antiquity. *Zeitschrift für Antikes Christentum*. Vol. 25. P. 108-149. DOI: 10.1515/zac-2021-0016.

Сведения об авторе:

Кондратьева Анна Николаевна – к.ю.н., преподаватель Колледжа Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). Область научных интересов: религиозное нормотворчество, каноническое право Западной Европы. Автор более 50 научных и учебно-методических работ.

E-mail: annaalyakina@yandex.ru

About the author:

Kondratyeva Anna Nikolaevna – PhD in Law, Lecturer at the College of the Mid-Volga Institute (branch) «The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)», Saransk, Russia. Research interests: religious norm-making, canon law of Western Europe. Author of more than 50 scientific and educational works.

E-mail: annaalyakina@yandex.ru

Поступила 17.03.2023; одобрена после рецензирования 13.04.2023; принята к публикации 15.04.2023.

УДК 343.1

DOI: 10.24412/2713-1033-2023-1-19-27

А. В. Шигуров

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Саранск, Россия, e-mail: arshigurov@mail.ru

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ

В статье рассмотрен ряд актуальных проблем запрета определенных действий как новой меры пресечения в российском уголовном процессе.

Первая проблема обусловлена тем, что перечень запретов содержит формулировки, исключающие расширительное толкование, что ограничивает сферу применения данной меры пресечения. Автор предлагает включить в перечень запрет покидать муниципальное образование, в котором проживает обвиняемый (подозреваемый) без разрешения дознавателя, следователя или суда; запрет потребления (распития) алкогольной продукции; запрет осуществления какой-либо деятельности, в рамках которой было совершено преступление.

Вторая проблема связана с отсутствием четких различий между запретом определенных действий и домашним арестом в части ограничения свободы передвижения обвиняемого, подозреваемого. Практика применения обеих мер пресечения допускает наложение одних и тех же запретов: например, ограничение выхода за пределы жилища 3-4 часами в день.

С этой проблемой неразрывно связана и проблема разработки справедливого механизма пересчета дней исполнения данных мер пресечения в срок заключения под стражу и, соответственно, срок лишения свободы, если он будет назначен приговором суда. Автор предлагает дополнительно регламентировать правила избрания данных мер пресечения. Во-первых, необходимо ввести четкий законодательный запрет на установление каких-либо прогулок при домашнем аресте (за отдельными исключениями). Домашний арест должен обеспечивать изоляцию от общества, за исключением общения с проживающими с обвиняемым лицами, уполномоченными участниками судопроизводства и иными установленными законом лицами. Правила пересчета срока такого домашнего ареста следует сохранить как 2 дня к 1 дню заключения под стражу. Во-вторых, запрет определенных действий как более мягкая мера пресечения уже должна, как и сегодня, предусматривать возможность гибкого (с учетом складывающейся следственной ситуации, поведения обвиняемого, подозреваемого и других обстоятельств) установления продолжительности его свободного передвижения в общественных местах, в том числе, для покупки продуктов питания. Такая мера пресечения уже должна предусматривать другие

правила пересчета: 3 дня к 1 дню заключения под стражу.

Ключевые слова: уголовный процесс, мера пресечения, запрет определенных действий, запрет, жилое помещение, суд, следователь, обвиняемый

A. V. Shigurov

Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Saransk, Russia, e-mail: arshigurov@mail.ru

PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND PRACTICE

The article considers a number of topical problems of the prohibition of certain actions as a new measure of restraint in the Russian criminal process.

The first problem is due to the fact that the list of prohibitions is formulated in such wording that they exclude broad interpretation, which limits the scope of this preventive measure. The author proposes to expand the list of prohibitions: to leave the municipality where the accused (suspect) lives without the permission of the interrogating officer, investigator or court; prohibition of consumption (drinking) of alcoholic products; prohibition of the implementation of any activity in which the crime was committed.

The second problem is related to the lack of clear differences between the prohibition of certain actions and house arrest in terms of restricting the freedom of movement of the accused or suspect. The practice of applying both preventive measures allows for the imposition of the same prohibitions.

Inextricably linked with this problem is the problem of developing a fair mechanism for recalculating the days of execution of these preventive measures into the term of detention and, accordingly, the term of imprisonment, if it is appointed by a court verdict. The author proposes to additionally regulate the rules for choosing these preventive measures. Firstly, it is necessary to introduce a clear legislative ban on establishing any walks during house arrest (with certain exceptions). House arrest should ensure isolation from society, with the exception of communication with persons living with the accused, authorized participants in legal proceedings and other persons established by law. The rules for recalculating such house arrest should be retained as 2 days to 1 day of detention. Secondly, the prohibition of certain actions as a milder measure of restraint should already, as it is today, provide for the possibility of flexible (taking into account the emerging investigative situation, the behavior of the accused, the suspect and other circumstances) the duration of his free movement in public places, including to buy food. Such a measure of restraint should already provide for other rules for recalculation: 3 days of prohibition for 1 day of detention.

Keywords: criminal process, measure of restraint, prohibition of certain actions, prohibition, living quarters, court, investigator, accused

Введение

Запрет определенных действий как новая мера пресечения обоснованно привлекает внимание современных исследователей. Интерес к данному институту обоснован, во-первых, новизной его норм. С момента введения запрета определенных действий Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ⁹ прошло лишь чуть более четырех лет.

Во-вторых, данная мера процессуального принуждения показывает высокие темпы роста: согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2021 г. количество вынесенных судами на досудебном производстве постановлений об избрании данной меры пресечения выросло на 39 % по сравнению с 2020 г.: в 2020 г. запрет определенных действий был избран в отношении 1,9 тыс. обвиняемых (подозреваемых), в 2021 г. – 2,6 тыс., первом полугодии 2022 г. – 1,5 тыс., что при сохранении данной динамики на второе полугодие может дать 3 тыс. постановлений в год¹⁰.

В-третьих, запрет определенных действий в абсолютных показателях занимает незначительную долю в общем числе применяемых судами мер пресечения: в 2021 г. – 2,6 % от мер пресечения, требующих принятия судебного решения. Органы предварительного расследования с осторожностью применяют данную меру пресечения, что обусловлено отсутствием эффективного механизма исполнения наложенных судом в рамках данной меры пресечения ограничений, непроработанность полномочий соответствующих должностных лиц. По ряду важных вопросов применения института запрета определенных действий еще не сформировалась единообразная судебная практика [Галыгина, Шигурова, 2016: 3].

Методы

В данном исследовании использованы формально-юридический, исторический и иные методы научного познания.

Результаты

В рамках настоящей статьи мы проведем анализ ряда актуальных проблем, требующих законодательных изменений, а также внесения корректив в судебную практику.

Первая из таких проблем связана с тем, что законодатель закрепил конкретный и исчерпывающий перечень запретов, которые суд вправе по ходатайству следователя, дознавателя наложить на обвиняемого или подозреваемого для предупреждения предусмотренных ст. 97 УПК РФ¹¹ форм общественно вредного поведения. В действующей редакции ч. 6 ст. 105.1 УПК

⁹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 17. Ст. 2421.

¹⁰ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020, 2022 годы. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>.

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

РФ содержит шесть конкретных запретов, ограничивающих права человека в сфере свободы передвижения, общения, использования средств передачи информации, управления транспортным средством.

Перечень запретов сформулирован в таких формулировках, что они исключают расширительное толкование, что, на наш взгляд, ограничивает сферу применения данной меры пресечения.

Одним из направлений совершенствования запрета определенных действий должно стать расширение перечня запретов, предусмотренных данной мерой пресечения.

Так, например, непонятно почему запрет определенных действий не позволяет запретить покидать муниципальное образование, город, субъект Российской Федерации. Как быть следователю, который видит необходимость одновременно и ограничить свободу покидать жилище на определенное время, и запретить покидать район, в котором проживает и работает обвиняемый?

Считаем, что одним из вариантов законодательного решения данного вопроса могло бы быть включение в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ запрета, предусмотренного в п. 1 ч. 1 ст. 102 УПК РФ, но изложенного в правильной формулировке «покидать муниципальное образование, в котором проживает обвиняемый (подозреваемый) без разрешения дознавателя, следователя или суда». Понятие «муниципальное образование» раскрывается в ст. 2 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹². Заметим, что для приведения ст. 102 УПК РФ в соответствие с существующей практикой применения подписки о невыезде полезно было бы и в ст. 102 УПК РФ использовать вышеуказанную формулировку.

Кроме того, предлагаем дополнить ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ запретом потребления (распития) алкогольной продукции.

Еще одним запретом, способным расширить сферу применения рассматриваемой меры пресечения, является запрет осуществления какой-либо деятельности, в рамках которой было совершено расследуемое преступление. Из предусмотренных разделом IV УПК РФ мер процессуального принуждения лишь временное отстранение от должности позволяет в определенной степени ограничить свободу профессиональной деятельности обвиняемого, подозреваемого. Однако речь в ст. 114 УПК РФ идет о конкретной должности, которую занимал подозреваемый или обвиняемый. Не все виды деятельности осуществляются с официальным трудоустройством. Приведем несколько примеров.

А) Деятельность с несовершеннолетними может вестись в рамках кружковой работы на безвозмездной основе. Если ведущее такую работу лицо подозревается в преступлениях в отношении несовершеннолетних,

¹² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

целесообразно запретить ему до установления обстоятельств расследуемого события работу с несовершеннолетними.

Б) Деятельность по архитектурному проектированию может осуществляться физическим лицом на основе гражданского договора. В период расследования обстоятельств обрушения здания, построенного на основе такого проекта, целесообразно запретить осуществлять такую деятельность.

В обоих вышеуказанных и во многих других случаях запрет на осуществление определенной деятельности, непосредственно связанной с совершенным преступлением, может выступить эффективным средством профилактики расследуемых преступлений. При возникновении затруднений в определении конкретного вида деятельности, играющего роль криминогенного фактора, следователь, дознаватель могут получить консультацию специалиста [Шапиро, 2008a; Шапиро, 2008b].

Вторая проблема связана с отсутствием четких различий между запретом определенных действий и домашним арестом в части ограничения свободы передвижения обвиняемого, подозреваемого. При этом мы должны обратить внимание на фактическое отступление складывающейся практики домашнего ареста от требований закона. В ч. 1 ст. 107 УПК РФ закреплён сущностный признак данной меры процессуального принуждения – изоляция обвиняемого, подозреваемого от общества в жилом помещении, определенном судом. При этом домашний арест как показывает место ст. 107 в гл. 13 УПК РФ рассматривается законодателем как более строгая мера пресечения. Термин «изоляция» однозначно указывает на недопустимость свободного перемещения обвиняемого, подозреваемого в общественных местах, за исключением случаев, предусмотренных законом. Об этом же говорит и ч. 7 ст. 107 УПК РФ, которая исключает одновременно с домашним арестом применение запретов, указанных в п. 1-2 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Логика закона понятна и однозначна – никакой возможности выходить в какие-либо периоды времени или в какие-то места при изоляции в жилом помещении не может быть, потому и вводить на них дополнительные ограничения излишне.

Тем не менее, практика пошла по другому пути. Из гуманных соображений и с одобрения вышестоящих инстанций суды в рамках домашнего ареста разрешают прогулки обвиняемым, подозреваемым на 1-4 часа в день. Так, например, Жуковский районный суд Калужской области постановлением от 30 марта 2020 г. в рамках избранного домашнего ареста разрешает обвиняемому Ф. ежедневные прогулки в будние дни с 16 до 19 часов, в выходные дни – с 15 до 17 часов. В дальнейшем срок домашнего ареста с ранее установленными запретами в отношении обвиняемого Ф. неоднократно продлевался. 28 декабря 2020 г. Калужский областной суд, проверяя законность очередного вынесенного судом решения о продлении меры пресечения, не нашел каких-либо нарушений, в том числе в части наложенных запретов¹³.

¹³ Апелляционное постановление Калужского областного суда от 28.12.2020 г. по делу № 3/4-1-8/2020 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VjM7cD30E6Yj/>.

Кировский районный суд г. Томска 23 марта 2020 г., продляя в отношении обвиняемого С. срок домашнего ареста, наряду с запретами закрепил и право обвиняемого в период отбывания меры пресечения посещать тренажерный зал по указанному в решении суда адресу в часы ежедневных прогулок с 14 до 16 ч. Далее при очередном продлении меры пресечения С. получил также право покидать пределы жилого помещения для посещения конкретной детской художественной школы по средам и пятницам с 18 до 22 часов, с уведомлением о каждом посещении контролирующего органа.

Лишь 3 декабря 2020 г. Кировский районный суд г. Томска лишил С. права на такие прогулки. Томский областной суд, рассматривая жалобу защитника на данное решение, признал законность принятого решения. Однако, в мотивировке решения указал: «совершение прогулок при применении меры пресечения в виде домашнего ареста к обязательным условиям домашнего ареста не отнесено»¹⁴. Это свидетельствует о том, что суд не исключает возможности предоставления прогулок при домашнем аресте, но в данном случае с учетом особенностей ситуации возможности для этого отсутствовали.

Возникает вопрос: как разграничить две меры пресечения, в рамках которых можно фактически накладывать одни и те же запреты, в том числе, например, ограничивать свободное передвижение 3-4 часами в день?

Так, например, в рамках запрета определенных действий Энгельсский районный суд Саратовской области установил в отношении обвиняемого Е.Д.Ф. следующий запрет: «выходить за пределы жилого помещения, расположенного по адресу: ..., за исключением выхода для посещения медицинских учреждений, социальной инфраструктуры, прогулок с детьми ежедневно в период с 10.00 до 12.00 часов, необходимости явки к следователю и в суд»¹⁵.

С этой проблемой неразрывно связана и проблема разработки справедливого механизма пересчета дней исполнения данных мер пресечения в срок заключения под стражу и, соответственно, срок лишения свободы, если он будет назначен приговором суда. В настоящее время правила пересчета одинаковые: два дня домашнего ареста и запрета определенных действий приравниваются к одному дню заключения под стражу. Это «равенство» не учитывает разную степень ограничения права на свободу передвижения и явно несправедливо, поскольку в рамках запрета определенных действий обвиняемому, как правило, запрещают покидать жилище в ночное время, что для большинства граждан является несущественным ограничением конституционного права, а могут, как мы показывали выше, запретить весь день покидать жилище, за исключением небольшого времени для прогулки и покупки продуктов питания продолжительностью 1-2 часа. Мы согласны с

¹⁴ Апелляционное постановление Томского областного суда от 24.12.2020 г. по делу № 1-59/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/КНрjAUWV3bJ4/>.

¹⁵ Постановление Энгельсского районного суда Саратовской области от 07.08.2018 по делу № 3/12-7/2018. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/show Document.html #id=cbe13c39673b02518e6b125287234186&shard=Производство по материалам&>.

Н. А. Подольным и Д.А. Урявиным [Подольный, 2016; Подольный, Урявин, 2011] в том, что справедливость является одним из важнейших критериев оценки качества судебной деятельности, а решение проблем, связанных с несправедливостью судебных решений, – центральное направление современной уголовно-процессуальной науки.

Позволим себе предложить свой вариант решения вышеуказанных проблем. Учитывая складывающуюся практику, необходимо дополнительно регламентировать правила избрания данных мер пресечения.

Во-первых, необходимо ввести в четкий законодательный запрет на установление каких-либо прогулок при домашнем аресте (в виде исключения с учетом медицинских требований допустимы прогулки рядом с домом без общения с кем-либо в течение 1 часа в день). Домашний арест должен обеспечивать изоляцию от общества, за исключением общения с проживающими с обвиняемым лицами, уполномоченными участниками судопроизводства и иными установленными законом лицами. Соответственно, применяться эта мера пресечения должна тогда, когда обвиняемый, подозреваемый сможет обеспечить свое существование без выхода из жилого помещения. Правила пересчета срока такого домашнего ареста следует сохранить как 2 дня к 1 дню заключения под стражу.

Во-вторых, запрет определенных действий как более мягкая мера пресечения уже должна, как и сегодня, предусматривать возможность гибкого (с учетом складывающейся следственной ситуации, поведения обвиняемого, подозреваемого и других обстоятельств) установления продолжительности свободного передвижения в общественных местах, в том числе, для покупки продуктов питания. Такая мера пресечения должна предусматривать другие правила пересчета: 3 дня к 1 дню заключения под стражу.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов и предложений.

1) Необходимо расширить перечень запретов, предусмотренных рассматриваемой мерой пресечения, за счет следующих ограничений:

- покидать муниципальное образование, в котором проживает обвиняемый (подозреваемый) без разрешения дознавателя, следователя или суда;
- запрет потребления (распития) алкогольной продукции;
- запрет осуществления какой-либо деятельности, в рамках которой было совершено преступление.

2) Автор предлагает дополнительно регламентировать правила избрания данных мер пресечения, а именно ввести законодательный запрет на установление каких-либо прогулок при домашнем аресте и сохранить действующие правила пересчета срока такого домашнего ареста: 2 дня к 1 дню заключения под стражу. При этом запрет определенных действий как более мягкая мера пресечения предполагает гибкое регулирование продолжительности свободного перемещения подозреваемого, обвиняемого, в общественных местах, поэтому в данном случае рекомендуется использовать иные правила пересчета: 3 дня к 1 дню заключения под стражу.

Список литературы (References)

1. Галыгина Т.Ю., Шигурова Е.И. Домашний арест: проблемы теории и практики применения действующего законодательства // Огарёв-Online. 2016. № 13 (78). С. 3.

Galygina T.Yu., Shigurova E.I. (2016) House arrest: theory and practice of current legislation. *Ogaryov-Online*. No. 13 (78). P. 3. (In Russ.)

2. Подольный Н.А. Справедливость – нравственный стандарт правосудия // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве: материалы всероссийской научно-практической конференции 20-21 марта 2015 года. СПб.: Изд-во Северо-Западного филиала РГУП, 2016. С. 266-274.

Podolny N.A. (2016) Fairness is the moral standard of justice. *Fairness and equality in criminal proceedings: materials of the All-Russian scientific and practical conference March 20-21, 2015*. St. Petersburg: North Western branch of the Russian State University of Justice Publ. P. 266-274. (In Russ.)

3. Подольный Н.А., Урявин Д.А. Справедливость – критерий правосудности // Российский судья. 2011. № 1. С. 32-35.

Podolny N.A., D.A. Uryavin (2011) Fairness is a criterion of justice. *Russian Judge*. No. 1. P. 32-35. (In Russ.)

4. Шапиро Л.Г. Правовое регулирование института специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Современное право. 2008. № 6. С. 86-88.

Shapiro L.G. (2008a) Legal regulation of the institute of special knowledge in criminal proceedings: problems and their possible solutions. *Modern Law*. No. 6. P. 86-88. (In Russ.)

5. Шапиро Л.Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... доктора юридических наук. Краснодар, 2008. 51 с.

Shapiro L.G. (2008b) Special knowledge in criminal proceedings and their use in the investigation of crimes in the sphere of economic activity. Dissertation abstract of Doctor of Law. Krasnodar. 51 p. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Шигуров Александр Викторович – заведующий кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент. Занимается изучением проблем уголовного судопроизводства. Автор более 100 научных и учебно-методических работ.

E-mail: arshigurov@mail.ru

About the author:

Shigurov Alexander Viktorovich – Head of the Department of Criminal Procedure Law and Criminology of the Middle-Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), PhD in Law, Associate Professor. Engaged in the study of the problems of criminal justice. Author of more than 100 scientific and educational works.

E-mail: arshigurov@mail.ru

Поступила 08.03.2023; одобрена после рецензирования 04.04.2023; принята к публикации 15.04.2023.

УДК 343.1

DOI: 10.24412/2713-1033-2023-1-28-35

Е. И. Шигурова

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарева,
Саранск, Россия, e-mail: shigurova_elen@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО- ТЕХНИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В статье рассматриваются вопросы использования результатов оперативно-технических мероприятий в доказывании по уголовным делам. Автором обращено внимание на ряд теоретических и практических проблем, возникающих при производстве оперативно-технических мероприятий. Затрагивается проблема, касающаяся вопроса о том, требуется ли вынесение судебного решения на проведение оперативно-технического мероприятия, как и на проведение оперативно-розыскного мероприятия, которое ограничивает конституционные права граждан. Проблемным вопросом остается применение технических средств фиксации при проведении наблюдения, поскольку при этом закон не предусматривает обязательного использования видео- и аудиозаписи, и поэтому возможность проверки законности действий правоприменителей ограничена. Требуется законодательного урегулирования вопрос закрепления требований технического характера, предъявляемых к материальным носителям информации, на которые записываются результаты оперативно-технических мероприятий. Автором обращено внимание на проблему активности стороны защиты при исследовании полученных с помощью оперативно-технических мероприятий доказательств.

Ключевые слова: доказывание, доказательства, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-технические мероприятия, основания, условия

E. I. Shigurova

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia, E-mail: shigurova_elen@mail.ru

PROBLEMS OF USING THE RESULTS OF OPERATIONAL AND TECHNICAL MEASURES IN EVIDENCE IN CRIMINAL CASES

The article deals with the issues of using the results of operational and technical measures in proving in criminal cases. The author draws attention to a number of theoretical and practical problems that arise during the production of operational and technical measures. The problem is raised concerning the question of whether a court decision is required to conduct an operational and technical event, as in the case of an

operational-search measure that restricts the constitutional rights of citizens. The use of technical means of fixation during surveillance remains a problematic issue, since the law does not provide for the mandatory use of video and audio recordings, and therefore the possibility of verifying the legality of the actions of law enforcement officers is limited. The issue of fixing the requirements of a technical nature imposed on material information carriers, on which the results of operational and technical measures are recorded, requires legislative regulation. The author draws attention to the problem of the activity of the defense side in the study of evidence obtained with the help of operational and technical measures.

Keywords: proving in criminal proceedings, evidence, operational-search activity, operational and technical measures, grounds, conditions

Введение

В ходе оперативно-розыскной деятельности эффективным способом фиксации событий и обстоятельств, имеющих значение для объективного и полного расследования уголовного дела, является проведение оперативно-технических мероприятий. Проведение оперативно-технических мероприятий органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, способно существенно содействовать обеспечению конституционных прав и свобод человека и гражданина; с другой стороны, следует иметь в виду, что при их производстве могут быть допущены нарушения норм уголовно-процессуального закона, которые могут иметь негативные правовые последствия для производства по уголовному делу, привести к признанию доказательств недопустимыми и юридически незначимыми. Поэтому исследование вопросов, касающихся проведения оперативно-технических мероприятий при производстве по уголовному делу, имеет большое практическое значение.

Методы

В ходе исследования проблем использования результатов оперативно-технических мероприятий в доказывании по уголовному делу использовался комплекс методов научного познания: формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический.

Результаты

Оперативно-технические мероприятия – это вид оперативно-розыскной деятельности или часть оперативно-розыскных мероприятий. Понятие «оперативно-технические мероприятия» уже, чем понятие «оперативно-розыскные мероприятия», поскольку оперативно-технические мероприятия проводятся при выполнении оперативно-розыскных мероприятий.

Под оперативно-техническими мероприятиями понимаются мероприятия, которые проводятся с использованием специальных технических средств негласно. Цель таких мероприятий – получение и фиксация информации, которая требуется для успешного решения задач оперативно-розыскной деятельности. Следовательно, результатом оперативно-технических мероприятий будет информация, которую получают негласно с использованием ограниченных в обороте технических средств, позволяющих выявлять,

фиксировать, изымать следы преступления, а также фиксировать ход и результаты оперативно-технического мероприятия.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает, что проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения (ч. 2 ст. 8). При этом следует учитывать, что необходимость закрепления в законе требования о вынесении соответствующего судебного решения в качестве обязательного условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, не связанных с ограничением указанных конституционных прав, непосредственно из Конституции РФ не вытекает¹⁶.

Конституционный Суд РФ в своих решениях разъяснял, что при проведении оперативно-розыскных мероприятий с применением технических средств вынесение судебного решения не является безусловным требованием, которое признается обязательным условием для проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина. Часть 1 ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» определяет, что органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, при проведении оперативно-розыскных мероприятий обязаны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции. Таким образом, закон возлагает обязанность и ответственность за нарушение тайны личной жизни на должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Другим вопросом, который стал предметом проверки Конституционного суда РФ был вопрос о признании не соответствующим Конституции РФ п. 6 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», поскольку он не предусматривает обязательного использования при проведении наблюдения видео- и аудиозаписи, а потому не обеспечивает возможность проверки законности действий правоприменителей¹⁷.

Пункт 6 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» включает наблюдение в число оперативно-розыскных мероприятий. По смыслу данного Федерального закона, использование при

¹⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Паука Сергея Федоровича на нарушение его конституционных прав положениями части седьмой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Определение Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 2898-О. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»

¹⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Торохова Ивана Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 1402-О. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

проведении оперативно-розыскных мероприятий видео- и аудиозаписи, кино- и фотосъемки, а также других технических и иных средств (ч. 3 ст. 6), не являющееся самостоятельным оперативно-розыскным мероприятием или его неотъемлемой частью, обусловлено целями и задачами проведения оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых по основаниям и в порядке, предусмотренных указанным Федеральным законом, в том числе для фиксации их хода и результатов. При этом вопрос о применении в процессе оперативно-розыскной деятельности технических и иных средств разрешается должностными лицами оперативно-розыскных органов, участвующими в организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий, с учетом целевого предназначения, характеристик и свойств таких средств, предстоящих задач, разрешаемых при проведении оперативно-розыскных мероприятий, наличия необходимых средств в условиях конкретного места и времени, возможности или невозможности их скрытого использования, обеспечения конспирации, сохранения негласности и других обстоятельств. Недопустимость же проведения оперативно-розыскных мероприятий без использования технических и иных средств приводила бы к фактической отмене закрепленных законом оснований для проведения этих мероприятий, блокировала бы реализацию органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, возложенных на них целей и задач, в том числе защиты конституционно значимых ценностей от преступных посягательств [Шигурова, Шигуров, 2020].

Таким образом, само по себе использование или неиспользование при проведении оперативно-розыскных мероприятий технических и иных средств не может расцениваться в качестве ограничения прав заинтересованных лиц. К тому же, как отмечал Конституционный Суд РФ, положения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» не освобождают органы и должностных лиц, ее осуществляющих, от обязанности обеспечивать при проведении конкретных оперативно-розыскных мероприятий соблюдение законов, защиту прав и свобод граждан, равно как не исключают и применение различных мер контроля, в том числе судебного, за законностью и обоснованностью проводимых мероприятий и использованием их результатов в уголовном судопроизводстве.

Судебный контроль законности и обоснованности проведенного оперативно-розыскного мероприятия и иных решений, действий (бездействия) должностных лиц и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, предусмотрен ч. 3 и 4 ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

В качестве примера приведем следующую ситуацию. В ОМВД России по Карабулакскому району Республики Ингушетия зарегистрирован материал проверки по обращению гр. П. по факту мошеннических действий со стороны неустановленного лица. В ходе проведенной проверки было установлено, что 21 марта 2019 г. гр. П. оставил в сети Интернет на одном из сайтов заявку на оформление кредита. 22 марта 2019 г. ему позвонила женщина представившаяся «Кариной Викторовой», работником банка «Столичный», и пояснила, что гр. П.

оставил заявку на оформление кредита в размере 200 000 руб. После гр. П. позвонила вторая женщина, данные которой он не помнит, с абонентского номера телефона ..., представилась работником службы безопасности банка «Столичный», и сообщила, что ему необходимо перевести денежные средства для страховки кредита на банковскую карту № «...6700», так как у него ранее были просроченные платежи по кредиту. П. перевел на данную карту денежные средства в размере 34 201 руб., но кредит не получил. В действиях неустановленного лица были усмотрены признаки преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ.

В целях установления лица, причастного к совершению преступления, и для принятия законного и обоснованного решения по заявлению о преступлении, руководствуясь ст. 7, 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» начальник ОМВД России по Карабулакскому району Республики Ингушетия подполковник полиции М. обратился в районный суд с ходатайством, в котором просил разрешить проведение оперативно-розыскного мероприятия в виде наведения справок в целях установления информации:

– о персональных данных лиц, на чьи имена зарегистрированы банковские карты ПАО «Сбербанка России», на которые потерпевшим были перечислены деньги;

– о движении денежных средств по вышеуказанным банковским картам и местах обналичивания денежных средств, номерах счетов, на которые осуществлены переводы денежных средств с указанием данных контрагентов, за период времени с ... по настоящее время;

– об услуге «Мобильный банк», подключенной к данным банковским картам, и привязанных к ним абонентских номерах телефона.

Постановлением от 21 ноября 2019 г. судья Карабулакского районного суда Республики Ингушетия М.З. К., рассмотревший вышеуказанное ходатайство, удовлетворил его в полном объеме и поручил ПАО «Сбербанк России» техническое осуществление проведения оперативно-технических мероприятий¹⁸.

При этом следует учитывать, что данный вид судебного контроля не является судебным разбирательством; в возникающих в его ходе правоотношениях нет сторон, характерных для уголовного судопроизводства, следовательно, у лица, в отношении которого будет проводиться оперативно-розыскное мероприятие, нет права на получение информации о рассмотрении судом ходатайства о проведении данного мероприятия и на участие в судебном заседании [Шигуров, 2009].

Актуальной проблемой использования результатов оперативно-

¹⁸ Постановление Карабулакского районного суда Республики Ингушетия о проведении оперативно-розыскного мероприятия в виде наведения справок от 27.03.2019 по делу № 3/6-33/2019. URL: https://karabulak-ing.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4539079&delo_id=1610001&new=0&text_number=1&case_id=4189194.

технических материалов является обеспечение достоверности результатов оперативно-технических мероприятий. Недостатком российского уголовно-процессуального законодательства является то, что остался неурегулированным вопрос о требованиях технического характера к источникам информации и техническим средствам, с помощью которых эта информация будет фиксироваться, к носителям полученной информации. Соблюдение таких требований является безусловным условием допустимости и достоверности полученной таким образом информации [Шигуров, Подольный, 2020].

На наш взгляд, в законе должно быть закреплено положение о том, что при производстве оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, направленных на фиксацию прослушиваемых телефонных и иных переговоров, в качестве носителей информации должны использоваться только те из них, которые не дают возможность перезаписать или каким-либо образом изменить записанную информацию. Это позволит исключить возможность фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности и доказательств по уголовному делу и тем самым создать условия для принятия законных и обоснованных решений по делу на основе данной информации, не нарушающих права личности [Шигуров, 2020]. На основе представленной информации можно сделать вывод о достоверности ее содержания без обязательного исследования всего пути происхождения информации.

Важно отметить, что в современных условиях состязательного судопроизводства во многом от активности сторон зависит степень защищенности их прав и законных интересов в сфере использования результатов оперативно-технических мероприятий в доказывании. Стороны должны использовать все предусмотренные законом средства и способы донесения до должностных лиц своей позиции по важным аспектам использования данных источников информации (доказательств) и при необходимости обжаловать незаконные решения, действия (бездействие) должностных лиц с использованием прокурорского надзора, ведомственного, судебного контроля.

В качестве примера активной позиции стороны защиты, позволившей ей устранить нарушения при исследовании записей телефонных переговоров, приведем следующую ситуацию. К уголовному делу в отношении Н.В.А. в качестве доказательств были приобщены аудиокассеты телефонных переговоров. Данные источники информации исследовались в ходе предварительного расследования, в том числе посредством проведения фоноскопической экспертизы, и в судебном заседании сторона защиты также заявила ходатайство об их исследовании путем прослушивания. Однако суд отказал в удовлетворении данного ходатайства и не стал прослушивать аудиокассеты, сославшись на то, что «они содержат большое количество нецензурных выражений». Сторона защиты на этом основании обжаловала приговор и добилась его отмены. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отметила, что все доказательства подлежат непосредственному исследованию в судебном заседании, в том числе и те аудиозаписи телефонных переговоров, которые содержат нецензурные

выражения. Это гарантия обеспечения права на защиту и одно из обязательных условий состязательного судопроизводства¹⁹.

В другом деле в отношении Ю.А.А. в суде первой инстанции также не были прослушаны аудиозаписи, содержащие телефонные переговоры подсудимого. Однако, когда данное обстоятельство было указано стороной защиты в апелляционной жалобе в качестве нарушения порядка использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации справедливо не согласилась с данным доводом. Как указано в апелляционном определении²⁰, здесь сторона защиты не ходатайствовала в суде о прослушивании аудиозаписей. В связи с этим, законными являются действия судьи, который исследовал вместо аудиозаписей протоколы осмотра и прослушивания телефонных переговоров путем оглашения их в полном объеме.

Таким образом, в отличие от первого дела, где сторона защиты, оспаривавшая результаты оперативно-розыскной деятельности, заявила необходимые для их исследования ходатайства, во втором деле сторона защиты не заявила соответствующие ходатайства, и суд правомерно работал с теми доказательствами, об исследовании которых ходатайствовал государственный обвинитель.

Заключение

В действующем законодательстве необходимо закрепить понятие оперативно-технического мероприятия. Мы предлагаем определить его как мероприятие, проводимое в соответствии с законодательством об оперативно-розыскной деятельности негласно с применением специальных технических средств и имеющее своей целью получение и фиксацию информации, необходимой для реализации задач оперативно-розыскной деятельности.

В настоящее время, все оперативно-технические мероприятия, результаты которых могут иметь самостоятельное доказательственное значение, должны проводиться с использованием технических средств фиксации (видео или аудиозаписи). Отсутствие таких записей должно исключать возможность использования «производных» результатов оперативно-розыскных мероприятий в доказывании в качестве источников доказательственной информации о ходе и результатах мероприятия. В российском уголовно-процессуальном законодательстве не содержатся требования технического характера, предъявляемые к источникам информации и техническим средствам, с помощью которых эта информация будет фиксироваться, к носителям полученной информации. Однако соблюдение таких требований – это безусловное условие допустимости и достоверности полученной информации.

¹⁹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16.02.2004 № 8-о04-5сп. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12.04.2018 № 49-АПУ18-2. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

В законе должно быть закреплено положение о том, что при производстве оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, направленных на фиксацию прослушиваемых телефонных и иных переговоров, в качестве носителей информации должны использоваться только те из них, которые не дают возможность перезаписать или каким-либо образом изменить записанную информацию. Это позволит исключить возможность фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности и доказательств по уголовному делу, и, следовательно, создать условия для принятия на основе полученной информации законных и обоснованных решений по делу, не нарушающих права личности.

Список литературы (References)

1. Шигуров А.В. Понятие электронных носителей информации и электронных следов в Российском уголовном процессе // Российский хороший журнал. 2020. № 1 (3). С. 4.

Shigurov A.V. (2020) The concept of electronic carriers of information and electronic tracks in the Russian criminal process. *Russian Good Journal*. No. 1 (3). P. 4. (In Russ.)

2. Шигуров А.В., Подольный Н.А. Проблемы правового регулирования изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 169-174.

Shigurov A.V., Podol'nyy N.A. (2020) Problems of legal regulation of the seizure of electronic information carriers and copying information from them in the course of investigative actions. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 1 (49). P. 169-174. (In Russ.)

3. Шигуров А.В. Проблемы реализации принципа осуществления правосудия только судом // Вестник Мордовского университета. 2009. Т. 19. № 4. С. 188-191.

Shigurov A.V. (2009) Problems of implementation of the principle of administration of justice only by the court. *Mordovia University Bulletin*. Vol. 19. No. 4. P. 188-191. (In Russ.)

4. Шигурова Е.И., Шигуров А.В. Недостатки правового регулирования применения мер процессуального принуждения при производстве по уголовному делу // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2020. № 1 (8). С. 64-73.

Shigurova E.I., Shigurov A.V. (2020) Disadvantages of legal regulation of application of measures of procedural forcing in criminal proceedings. *Humanitarian, political and legal studies*. No. 1 (8). P. 64-73. (In Russ.).

Поступила 16.03.2023; одобрена после рецензирования 04.04.2023; принята к публикации 15.04.2023.

УДК 141.201

DOI: 10.24412/2713-1033-2023-1-36-47

Д. С. Венгура

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: vengdan@gmail.com

К КРИТИКЕ ПОСТАНТРОПОЦЕНТРИЗМА: КАНТ, ХАРМАН, МЕЙЯСУ

Статья посвящена исследованию новейших тенденций континентальной философии на материале работ ее двух влиятельных представителей – Грэма Хармана и Квентина Мейясу. Приводится классификация кантовских тезисов Г. Хармана в качестве основы для последующего анализа спекулятивного материализма К. Мейясу и объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана. Системы указанных авторов интерпретируются как радикализации одного из двух тезисов И. Канта. В связи с этим выводится «правило радикализации», устанавливающее невозможность одновременной радикализации обоих тезисов. Обнаруживается принципиальная зависимость мысли Г. Хармана и К. Мейясу от критической философии. Постантропоцентризм, как одна из наиболее характерных черт новейшей гуманитаристики, оказывается таким образом недостижимым. «Нечеловеческое», прорыв к которому видится первоочередной задачей многим современным мыслителям, остается всякий раз «зараженным» человечностью, той или иной коррелятивной инстанцией. Исходя из этого, обосновывается необходимость построения более фундаментальных и независимых систем, не уступавших бы философской силе критицизма И. Канта. Актуальность работы заключается в переоценке спекулятивизма и постантропоцентризма вообще как продуктивной рефлексии современности о своем кантианстве – рефлексии, однако, не достигающей преодоления кантовского наследия.

Ключевые слова: Кант, Харман, Мейясу, критицизм, постантропоцентризм, спекулятивный реализм, объектно-ориентированная онтология, корреляционизм, нечеловеческое

D. S. Vengura

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: vengdan@gmail.com

CRITICISING POSTANTHROPOCENTRISM: KANT, HARMAN, MEILLASSOUX

The article is devoted to the study of the latest tendencies of continental philosophy based on the works of its two prominent adherents – Graham Harman and Quentin Meillassoux. Harman's classification of Kant's theses is used for analyzing

his object-oriented ontology and Meillassoux's speculative materialism. These philosophical systems are interpreted as radicalizations of one of the two Kantian theses. Hence the «rule of radicalization» which states impossibility of radicalization of both theses is deduced. A fundamental dependence of Harman's and Meillassoux's thought on critical philosophy is shown. Postanthropocentrism, being one of the most distinctive traits of the modern humanities, is thus unachieved. The «non-humanness», breakthrough to which is seen as a primary aim by many contemporary thinkers, is every time still infected with humanness, i. e. one or another correlative instance. From there the necessity of creating more profound and independent philosophical systems which would not cede to the power of Kant's criticism is drawn. Relevance of the article is in its reevaluation of speculativism and postanthropocentrism in general as a productive reflection of modernity on its own Kantianism – reflection that does not, however, accomplish the overcoming of Kant's legacy.

Keywords: Kant, Harman, Meillassoux, criticism, postanthropocentrism, speculative realism, object-oriented ontology, correlationism, non-human

1

A

Талант *философовед* – талант весьма и весьма редкий. Суметь точно локализовать напряжение, к которому сводится противостояние двух философов, и эффективно свести серию бесчисленных аргументов и контраргументов к нескольким фундаментальным пунктам разногласия – это требует особой пронизательности мысли, а зачастую – и подозрительности. Таким талантливым философоведем, безусловно, является Грэм Харман – один из наиболее известных современных мыслителей. Харман – гений пересказа; и потому его введения в те или иные философии и их анализы пестрят своеобразными «эвристическими самородками», наблюдениями порой столь удачными, что их ценность превосходит утилитарную ценность эвристического инструмента и достигает чего-то гораздо большего.

Богата такими находками, – на одной из которых мы остановимся, – и работа Хармана о Квентине Мейясу [Harman, 2011] – другом важнейшем философе XXI века. Во введении к ней он описывает связь Мейясу с не нуждающимся в представлении Иммануилом Кантом, и суммирует свое описание следующей схемой. Кант, по Харману, придерживается среди прочего двух тезисов [Harman, 2011: 4]:

а) Корреляция «человек-мир» занимает центральное положение в философии, поскольку всякая мысль о мире есть всегда уже мысль (далее – тезис А).

б) Человеческий разум конечен, и человеческому познанию недоступна вещь в себе (далее – тезис В).

Из этих двух тезисов Мейясу находит верным первый, и совершенно неприемлемым второй. Предпочтения Хармана, в свою очередь, строго

противоположны: второе утверждение он принимает и активно развивает в рамках своей объектно-ориентированной онтологии, в то время как первое – отвергает, не считая корреляционистский круг («мысль о внемыслительном есть все еще мысль») достаточно сильным аргументом.

Что же – классификация Хармана, пожалуй, точна. Но эта схема говорит нам и о чем-то еще, чем-то чрезвычайно существенном и напрямую касающемся тех процессов, что подспудно и явно происходят в новейшей философии. О чем же?

В

Темные теории, постантропоцентризм, объектно-ориентированность – именно к этим «лейблам», как правило, прибегают при попытке коротко, но емко охарактеризовать тенденции современной гуманитаристики – «постгуманитаристики» в терминах Розы Брайдотти²¹. И в самом деле: от Жиля Делеза до Тимоти Мортон, от акторно-сетевой теории до спекулятивного реализма – куда ни посмотри, везде мы обнаруживаем имманентистское движение к нечеловеческому, последовательную и уже полувековую интенсификацию которого необходимо признать парадигмальной чертой философии XX-XXI веков. Эта зачарованность «иным» и яростное «уплощение» онтологий²² продолжается и в наши дни, становясь тем *sine qua non*, без которого философский проект обречен быть «неприличным» и, хуже того, несовременным.

Упомянутые нами Мейясу и Харман не представляют в этом отношении исключения. Французский философ увлечен доисторическим, Великим Внешним, материей как чистой смертью; американский же выстраивает онтологию бесчисленных объектов, в панпсихическом ключе развивая идеи Бруно Латура. Оба преодолевают кантианское заражение мира человеческим – «корреляционизм»²³ в терминах Мейясу [Мейясу, 2017: 11] или «философии доступа» [Харман, 2015: 136] в терминах Хармана, – и тем самым подтверждают

²¹ Подробнее об этом см.: *Брайдотти Р.* Критическая постгуманитаристика, или Относятся ли медиа-природы к природо-культурам так же, как *zoe* – к *bios*? // *Опыты нечеловеческого гостеприимства* / ред. М. Крамар, К. Саркисов. Антология, М.: V-A-C press, 2018. С. 24-41.

²² Термин Мануэля Деланда – «плоская онтология». Подробнее об этом см.: *DeLanda M.* *Intensive Science and Virtual Philosophy*. London: Continuum, 2002.

²³ Удачное определение корреляционизма дает Ю. Бакман (перевод мой – Д. В.): «Корреляционизм определяется Мейясу как в первую очередь эпистемологический принцип, согласно которому бытие и мышление <...> могут быть поняты или достигнуты не в отрыве друг от друга, но только в терминах их взаимной соотнесенности (*correlation*), то есть в терминах осмысленной данности бытия мышлению и соответствующей внутренней ориентации мышления на бытие» [Bacckman, 2017: 40].

наши слова о постантропоцентризме как сущностной черте современной философии.

Неудивительным поэтому является и то, что одним из любимых занятий современных философов закономерно стало обвинение друг друга в недостижении нечеловеческого и воспроизведении антропоцентрических предрассудков. «Перещеголять в нечеловечности» – вот та мотивация, которая, порой складывается впечатление, только и составляет *raison d'être* новейшей философии. Не чужда подобного рода критика и лагерю спекулятивных реалистов: раздаваясь чаще всяких иных обвинений, она провоцирует горячие споры, иногда доходящие до открытых оскорблений²⁴. Мы остановимся на том, почему Харман и Мейясу – два наиболее популярных спекулятивных реалиста – не принимают позиции друг друга по данному вопросу, и на том, как это несогласие связано с описанными нами чуть ранее двумя кантовскими тезисами.

С

Пристальное и «прицельное» рассмотрение именно Хармана и Мейясу интересно не только как академическое философское исследование, безусловно ценное в случае своей удачности, но по большому счету необязательное и узкоспециальное. Представляя собой – по собственному признанию – два полюса спекулятивного реализма [Харман, 2020: 275-278], Харман и Мейясу оказываются теми двумя фигурами, которые воплощают крайности куда более фундаментального характера. Речь идет о *двух стратегиях постантропоцентризма*, опирающихся, как не сложно догадаться, на один из кантовских тезисов, и отвергающих второй.

Но быть двумя стратегиями постантропоцентризма означает, как мы увидели, быть двумя стратегиями современности как таковой. Тогда – узнать специфику спекулятивизмов Хармана и Мейясу и их противоречия означает узнать современную мысль в ее самых сокровенных глубинах. Мы убеждены, что, подходя к этому противостоянию постантропоцентризмов с такими намерениями, мы позволим нашему предприятию достичь должной серьезности и добраться до выводов, проливающих свет на истоки и перспективы новейшей философии. Находясь в современности, мыслить современность, – и тем самым совершать *рефлексию современности*. К разворачиванию подобной рефлексии и будет стремиться наш анализ.

²⁴ См.: Brassier, Ray & Rychter, Marcin (2011). I Am a Nihilist Because I Still Believe in Truth. *Kronos – metafizyka, kultura, religia* (March).

Итак, проследим за тем, каким образом Харман достигает «расчеловечения» философии²⁵. Генезис объектно-ориентированной онтологии (далее – ОО) берет свое начало в причудливом прочтении или, лучше сказать, развитии хайдеггерианской темы наличности/подручности. Собственно к дуальности *Vorhandenheit* и *Zuhandenheit*, к диалектике явленного и сокрытого и сводится весь Хайдеггер, по мнению Хармана. И Хайдеггер достигает здесь многого – признавая более подлинным подручное бытие-в-мире, он открывает здесь великую правду о вещи, о том, что она только и сбывается, будучи включенной в систему отношений с другими вещами и вступая с ними в своего рода резонанс. Хайдеггер спасает вещь от ущербности, от ущемляющего ее картезианского, а за ним и феноменологического «разглядывания».

Проблема, однако, в том, что этот резонанс, через который вещи совершаются и наконец устраиваются в бытии, Хайдеггер ошибочно связывает с *Dasein*, при всех оговорках структурой человеческой. Харман убежден: вещь не исчерпывается инструментальностью. Да, топор и в самом деле в большей степени *топор*, когда мы им *рубим*; но заключен ли здесь *весь* топор? Ни в коем случае – ведь топор, как минимум, может *ломаться*. Если топор, наконец став топором, вдруг утратил свою «топорность», то несомненно в его бытии был некоторый избыток, который мы, увлекшись чтением Хайдеггера, упустили из виду. Из этого избытка и рождается ОО – избытка, с которым мы сталкиваемся в каждом контакте с объектом, чьим сущностным свойством оказывается *изъятие* (*withdrawal*) – изъятие своей аутентичности из всякого отношения с иным объектом.

Теперь нетрудно понять, почему Харман принимает кантовский тезис В. ОО в этом контексте оказывается ничем иным, как *радикализацией конечности*, гипостазированием кантовской конечности разума, теперь задающей базовое правило функционирования мира: неполнота взаимодействия не только трансцендентального субъекта и ноумена, но всякого ноумена со всяким иным ноуменом, всегда *остающимся при себе*. Кант утверждает изъятие познаваемости вещи в себе; Харман утверждает познаваемость изъятия вещи в себе. Это первая из двух возможных стратегий постантропоцентризма.

²⁵ Описывая позиции того или иного философа, мы постараемся быть как можно более экономными в том, что касается использования его – философа – авторских неологизмов, неизбежно «тянущих» за собой «хвост» из бесчисленных определений, пояснений и отступлений. Формат работы требует от нас перевода оригинальных терминологий на общефилософский язык, то есть язык философских школ и направлений, в достаточной степени воспринятых национальной традицией.

В

Мейясу действует иначе. Его вход в борьбу с корреляционизмом осуществляется через ворота *науки*. Если Харман фиксирует избыточность вещи через опыт ее нехватки в опыте, то Мейясу настаивает материальность в ее наготе посредством сокрушающей силы *научного факта*. «Доисторическое» – то есть существовавшее до возникновения сознания и, следовательно, до возможности корреляции – безусловно есть: к примеру, радиоуглеродное датирование сообщает нам однозначные позитивные истины о *материи до человека*. И в то же время, со времен Канта философски необходимой стала релятивизация подобных фактов: доисторическая материя есть не более чем *материя до человека для человека*. Но ведь эта маленькая приписка – «для человека» – меняет все дело: *научного факта больше нет*. Трансцендентализация научного высказывания лишает его всякого смысла; Солнечная система никогда не возникала, и не было 4,5 млрд. лет назад никакой планеты Земля... Но ведь мы знаем: была!

Как же Мейясу разрешает эту коллизию? Французский философ действует нетривиально: он принимает правила игры. «Да, – говорит Мейясу, – корреляционистский круг – аргумент самой нешуточной валидности, и его следует воспринимать всерьез. Но посмотрим же на него чуть пристальней – и попытаемся понять, как он работает». Оказывается, его работа совершает все ту же ошибку, что и критикуемый им догматизм, – «*перформативное противоречие*»²⁶ [Харман, 2020: 218]. Так же, как и догматик, корреляционист *делает* совсем не то, что *говорит*. Наивная докритическая мысль думает, что мыслит вещь саму по себе, но она ее *мыслит*, и потому мыслит вещь для нас. Аналогично корреляционист полагает, что вполне обоснованно устанавливает границы нашего разума, но не замечает, что само установление такой конечности необходимо покоится на *фактичности* – возможности радикальной инаковости человеческого и нечеловеческого. Утверждение корреляционистского круга на самом деле есть не что иное, как утверждение фундаментальной возможности-иногo, абсолютной контингентности. Мрачный тупик кантианского антропоцентризма, рассмотренный под нужным углом, оказывается насквозь пронизан обнадеживающим светом «Великого Внешнего» [Мейясу, 2017: 15].

Итак, Мейясу преодолевает антропоцентризм через *радикализацию корреляции*²⁷. Не видя возможности «пройти мимо» тезиса А, он обнаруживает

²⁶ То есть противоречие между содержанием пропозиции и содержащимся в ее исполнении/выражении, между тем, что *сказано* и *сделано*.

²⁷ В отличие от структурно схожего тезиса о Хармане (ООО как радикализация конечности), сформулированного нами выше, это утверждение принадлежит не нам, но самому Мейясу, с той лишь разницей, что у Мейясу речь идет не о радикализации корреляции, но об «абсолютизации фактичности» корреляции [Мейясу, 2017: 84]. Не имея возможности здесь вдаваться в такие тонкости авторской терминологии, мы говорим о радикализации

«просвет» *внутри* него, тем самым взламывая логику корреляционизма. «Расширение и углубление» трансцендентальной рефлексии обнажает неустранимость контингентности, получающей теперь статус онтологического первопринципа – Гипер-хаоса. Дело остается за малым: подобно тому, как Декарт через доказательство первичной абсолютности Бога достигает производной абсолютности протяженной субстанции, Мейясу надеется из первичной абсолютности Гипер-хаоса абсолютизировать математизированное научное знание – и получить через это доступ к вещи в себе настолько непосредственный, насколько это, кажется, вообще возможно. Такова вторая стратегия постантропоцентризма.

С

Конечно, Хармана не может устроить такое решение. Мнимое достижение вещи самой по себе через контингентность для него есть не что иное, как логицистское навязывание структур сознания миру, своего рода «наглость мышления», по-гегельянски лишаящего бытие какой-либо автономности от человеческого²⁸. Философия Мейясу перформативно не менее противоречива, чем третируемые им догматизм и корреляционизм: что бы он ни говорил, он все еще мыслит мир как состоящий из отдельных объектов, не сливающихся в единое неразличимое целое – и для Хармана этого уже достаточно. Вся эпистемологическая мощь Гипер-хаоса не может ничего поделать с нередуцируемым избытком изымающей-себя вещи.

Равным образом и Мейясу рассматривает ООО как проект с самого начала неудачный. Не решаясь принять вызов корреляционного круга, Харман выдает философиям доступа карт-бланш на то, чтобы просто не принимать ООО всерьез и как бы «пропускать мимо ушей» бесчисленные страницы наивно-реалистического описания тонкостей взаимодействия объектов, – нет смысла тратить даже минуту своего времени на то, что в сущности является не более чем фэнтези – литературой увлекательной, но все еще художественной.

Более того, даже допустив верность ООО, мы не найдем в ней и следа заявленного постантропоцентризма. Вместо искомого расчеловечения мира Харман производит огульное *очеловечение* мира. Человеком теперь является *все*: мир есть констелляция «четверояких» объектов [Харман, 2015], обладающих

корреляции, что, если учесть этимологию «радикальности» (от лат. «корень»), вполне отвечает мысли Мейясу: «...нам тоже надо абсолютизировать сам принцип, позволяющий корреляционизму дисквалифицировать абсолютизирующую мысль» [Мейясу, 2017: 72]. То есть наша «радикализация» означает обращение к тому же корневому принципу корреляционизма – фактичности корреляции.

²⁸ Связь Гегеля и Мейясу – предмет отдельного подробного разговора. Мы, к примеру, убеждены, что Гипер-хаос есть не что иное, как инверсия гегелевской Абсолютной идеи. Подробнее о Гегеле и Мейясу см.: *Тоскано А.* Против спекулятивизма // Философско-литературный журнал «Логос». 2013. №2 (92). С. 81-93.

чувствами и постоянно познающих друг друга. Это, как мог бы сказать Мейясу, триумф антропоцентризма, но никак не его преодоление.

Д

К этому моменту становится предельно ясным, что обнаруженные нами две стратегии постантропоцентризма – радикализация конечности (тезиса В) и радикализация корреляции (тезиса А) – несовместимы до крайности. Их принципиальное взаимоисключение позволяет нам вывести неустрашимое правило их отношения друг к другу: *радикализация одного из кантовских тезисов ведет к неизбежному уничтожению второго*. Иными словами, мы имеем дело с «или-или»: радикализация или первого, или второго. Ad hoc назовем эту закономерность «*правилом радикализации*».

Чрезвычайно перспективным представляется применение правила радикализации не только к новейшей философии, но ко всей происходившей исторически рецепции философии Канта. Так, классическая триада субъективного, объективного и абсолютного идеализмов, а вместе с ними волюнтаризм, интуитивизм и философии жизни могут рассматриваться как итог радикализации тезиса А и сопутствующего ничтожения тезиса В, в то время как послекантовское лейбницианство (Лотце, Тейхмюллер, Вундт) – в качестве симметричной радикализации тезиса В и диссипации тезиса А.

Но оставим этот сюжет, и, продолжая наше предприятие, уточним правило радикализации в его отношении к постантропоцентризму. Нам следует отдельно зафиксировать здесь следующий факт: две стратегии деантропоцентризации не только противостоят друг другу до полного взаимоисключения, но они рассматривают друг друга как нечто прямо противоположное искомому расчеловечению – как окончательное очеловечение. Брендированные извне как принадлежащие к одному течению, тет-а-тет каждый из двух обнаруженных нами Радикалов смотрит на своего визави как на врага – хотя и врага нежеланного, «злодея поневоле», слепо осуществляющего триумф антропоцентризма. В этом смысле стоит говорить о стратегиях «(пост)антропоцентризма» – с «пост», взятым в скобки, – поскольку вопрос того, является ли конкретная стратегия агентом человеческого или нечеловеческого интереса, разрешается только исходя из перспективы отвечающего.

И удивительно ли, учитывая все сказанное, что в своей работе о Мейясу Харман называет один из своих подзаголовков так: «Human Supremacy»²⁹ – не более и не менее? Нам, во всяком случае, это представляется не удивительным, но закономерным до неизбежности.

²⁹ «Превосходство человека» – используемый в англоязычной среде синоним «антропоцентризма».

3

А

Разобравшись с двумя стратегиями постантропоцентризма и регулирующим их взаимоотношение правилом радикализации, мы хотели бы теперь обратить внимание читателя на следующую деталь: наше рассуждение началось и далее развивалось как размышление над двумя тезисами, автором которых – пусть и через посредство хармановской схематизации – является *Кант*. И пусть эта очевидность – самое малое тавтологична в рамках нашей работы, в ней, как нам кажется, кроется очень многое.

Основной пафос спекулятивного реализма, как известно, связан с преодолением рокового детища Канта – корреляционизма. То же самое верно, по большому счету, и для ряда смежных темных теорий³⁰, с энтузиазмом воспринявших спекулятивистскую терминологию. И одновременно мы обнаруживаем, что две магистральные стратегии деантропоцентризации оказываются не более чем радикализацией кантовских же тезисов, явно недостаточно радикальной, чтобы насовсем покинуть владения Критики.

В чем же тут дело?

В

«*Кант сильнее, чем вы думали!*» – вот тот ответ, который, мы убеждены, требует своего озвучивания, и тот вывод, к которому ведет последовательное разворачивание невинной, казалось, схемы Хармана.

Философский XXI век начался в 2007 году – на конференции в Голдсмитсе³¹, где современность эксплицитно отрефлексовала факт своей *зачарованности Кантом*. «Мы все еще критичны» – заявили спекулятивисты, и были бесконечно правы.

Ошибка, однако, было полагать, что от *проклятия Канта*, или кантианского чуда – дело вкуса – удастся избавиться так легко. На примере двух наиболее характерных персонажей современной философии мы убедились, что, заявляя о преодолении Канта, современность впадает в *перформативное противоречие*, на деле воспроизводя глубинную механику критицизма. Да, радикализировать Канта означает *уйти от Канта*, но еще не преодолеть кантианскую парадигму – корреляционизм. И с этим должен согласиться каждый

³⁰ Ньюансированное рассмотрение родственных теорий и последующее доказательство тезиса об их общей анти-корреляционности невозможно в рамках данного исследования, однако может быть темой для отдельной обстоятельной работы.

³¹ См.: Brassier R., Grant I.H., Harman G., Meillassoux Q. *Speculative Realism // Collapse III: Unknown Deleuze [+Speculative realism]* / Mackay R.(ed.). Falmouth: Urbanomic, 2007 P.306–449.

спекулятивист, ведь какой спекулятивист захотел бы прослыть автором курьезного тезиса о не-корреляционности гегельянства или фихтеанства³²?

Нужно осмелиться признать, что за нескончаемыми разговорами о повороте к нечеловеческому стоит тривиальное «wishful thinking», принятие желаемого за действительное – политически окрашенное и мотивированное будничным пристрастием к экзотике и провокации, особенно остро переживаемым новейшей философией. Постантропоцентризм есть всего лишь *посткантовская шалость* – порой невероятно талантливая и всегда-уже насквозь кантианская.

С

Всегда ли? Конечно, у подкованного критика здесь нашлось бы в достатке контрпримеров, чтобы возразить нам. Но, опережая справедливую критику, мы хотели бы еще раз объяснить читателю – теперь, возможно, более честно – суть нашего предприятия. Все наше исследование представляет собой развертывание следствий имплицитно выдвинутой гипотезы о том, что мы *можем* рассмотреть Мейясу и Хармана как ключевых и притом полярных фигур современной мысли, чьи постантропоцентризмы, соответственно, сообщают нам нечто чрезвычайно важное о современности, парадигмальной чертой которой и является движение к нечеловеческому.

Наиболее фундаментальным следствием этой гипотезы стала *переоценка философии XXI века*: мы обнаружили историософскую важность современной «зацикленности» на Канте, отвечающей реальному масштабу его философского наследия, и одновременно нашли совершенно неубедительными претензии на преодоление Канта, противоречащие продолжающемуся ученичеству современности у критицизма.

Не обесценивание, но переоценивание – таков итог нашей работы.

D

«Кант мне друг, но истина дороже» – так мог бы звучать здоровый девиз философии XXI века. Кант – наш друг, и более того – наш автор, и мы сами. «Современность есть кантианство, а мы – не что иное, как “коллективный Кант”» – экстравагантный, но правдоподобный тезис, требующий самых серьезных *meditationes*. Но если истина нам дороже – будем же искать истину – истину,

³² Исключение здесь составляет Иэн Гамильтон Грант, чьим философским героем является Шеллинг. Тут, однако, стоит понимать, что Грант никогда бы и не согласился с тем, что Шеллинг будто бы радикализирует Канта. По мнению Гранта, «Шеллинг не продолжает, а аннулирует Канта» [Grant, 2006: 61], и в этом смысле речь идет уже о ком угодно, но не о том Шеллинге, которого знает классическая история философии и которого имели в виду мы – среди прочих немецких идеалистов.

дающуюся в последовательном философском рассуждении, а не в спешной череде «поворотов...», «смертей...» и «концов...»

Кант все еще здесь, и его преодоление потребует аргументов и систем куда более значительных масштаба и силы – не меньших, чем грандиозная сила здания, выстроенного когда-то самим Кантом.

Список литературы (References)

1. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности / пер. с фр. Л. Медведевой, науч. ред. П. Хановой. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2017.

Meillassoux Q. (2017) *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency*. Yekaterinburg; Moscow: Kabinetnyj uchenyj Publ. (In Russ.)

2. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение / пер. с англ. А. А. Писарева. М.: РИПОЛ классик, 2020.

Harman G. (2020) *Speculative Realism: An Introduction*. Moscow: Ripol Classic Publishing House. (In Russ.)

3. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозов и О. Мышкин. Пермь: Гиле Пресс, 2015.

Harman G. (2015) *The Quadruple Object*. Perm: HylePress Publ. (In Russ.)

4. Backman J. (2017) A Religious End of Metaphysics? Heidegger, Meillassoux and the Question of Fideism // *Rethinking Faith: Heidegger between Nietzsche and Wittgenstein* / A. Cimino, & G.-J. van der Heiden (Eds.). Bloomsbury Academic. P. 39–62. <https://doi.org/10.5040/9781501321252.ch-003>.

5. Brassier R., Grant I. H., Harman G., Meillassoux Q. (2007) *Speculative Realism // Collapse. Vol. III: Unknown Deleuze [+Speculative realism]* / Mackay R.(ed.). Falmouth: Urbanomic. P.306–449.

6. Grant I. H. *Philosophies of Nature After Schelling*. London: Continuum, 2006.

7. Harman G. *Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011.

Сведения об авторе:

Венгура Данила Сергеевич – студент третьего курса бакалавриата кафедры философии религии и религиоведения Института философии Санкт-Петербургского государственного университета. Занимается изучением современной континентальной философии религии.

E-mail: vengdan@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0005-3664-4638>

About the author:

Vengura Danila Sergeevich – third-year student of Philosophy of religion and religious studies department, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University. Researcher in contemporary continental philosophy of religion.

E-mail: vengdan@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0005-3664-4638>

Поступила 20.02.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2022;
принята к публикации 31.03.2023.

УДК 323.23

DOI: 10.24412/2713-1033-2023-1-48-57

Ю. В. Дьяченко

Саратовская государственная юридическая академия,
Саратов, Россия, e-mail: polit78@inbox.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА КАК СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВЫСОКОГО УРОВНЯ КУЛЬТУРЫ ДЕМОКРАТИИ ГРАЖДАН

В статье рассматривается политический активизм граждан как один из основополагающих принципов демократического режима, его значение для функционирования современных обществ. Автором определяются категории «политический активизм» и «политическая мобилизация», специфика их выражения сквозь призму закрепления в законах и реализации в общественной практике современных принципов демократического режима. Выделены три основных способа политической мобилизации граждан, среди которых прямая, косвенная (или непрямая) и смешанная мобилизации. На основе изучения каждой из них определены возможные стратегии для повышения уровня проявления политической активности населения, среди которых важную роль играет политическая реклама как способ косвенного влияния на сознание граждан, способствующая формированию эффективного взаимодействия власти и общества в рамках политических процессов, происходящих в стране. Именно косвенное воздействие на мировоззрение населения страны охарактеризовано как эффективное, позволяющее охватывать наибольшее количество потенциальных субъектов политики. В заключении работы выявлено значение повышения степени активности граждан в политике путем осуществления политической мобилизации для развития и укрепления высокого уровня культуры демократии как отдельных граждан, так и всего общества в целом.

Ключевые слова: демократия, культура демократии граждан, политический активизм, политическая мобилизация, политическая реклама

Y. V. Dyachenko

Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia, e-mail: polit78@inbox.ru

POLITICAL ADVERTISING AS A STRATEGY FOR BUILDING A HIGH-LEVEL CULTURE OF CITIZENS' DEMOCRACY

The article considers political activism of citizens as one of the fundamental principles of the democratic regime, its importance for the functioning of modern societies. The author defines the categories of "political activism" and "political mobilization," the specifics of their expression through the prism of consolidation in

laws and the implementation in public practice of modern principles of the democratic regime. Three main ways of political mobilization of citizens are identified, among which direct, implicit (or indirect) and mixed mobilization. Based on the study of each of them, possible strategies have been identified to increase the level of political activity of the population, among which political advertising plays an important role as a way of indirectly influencing the consciousness of citizens, contributing to the formation of effective interaction between government and society within the framework of political processes taking place in the country. It is the indirect impact on the worldview of the country's population that has been described as effective, allowing it to cover the largest number of potential subject of politics. In conclusion, the work revealed the importance of increasing the degree of activity of citizens in politics through the implementation of political mobilization for the development and strengthening of a high level of culture of democracy, both individual citizens and the whole society as a whole.

Keywords: democracy, culture of democracy of citizens, political activism, political mobilization, political advertising

Введение

Современная демократия определяется рядом признаков, наличие и функционирование которых выявляет степень развития и укоренения режима в рамках политической системы отдельного государства. Их совокупность и практическая реализация способствуют повышению эффективности всех процессов, происходящих в том или ином обществе.

Демократический режим, в отличие от недемократических, базируется, прежде всего, на таких основах, как власть закона, волеизъявление граждан, права человека, конституционализм, свободные выборы, свобода слова и вероисповедания и др. В целом, большую часть данных принципов объединяет то, что гражданам предоставляются огромные возможности для участия в политической жизни страны. Население, согласно Основному закону многих современных государств, имеет возможность участвовать в выборах и референдумах, выдвигать свои кандидатуры на отдельные политические должности, создавать партии и движения либо включаться в уже существующие. Кроме того, граждане могут высказывать свое мнение о различных принимаемых властью законах или проводимых реформах, что также закреплено законодательно.

Иными словами, гражданам многих современных стран предоставляется право на проявление *политического активизма*, под которым понимают действия, совершаемые гражданами, целью которых являются социальные, политические, экономические или иные изменения на территории своей страны, совершаемые по личной инициативе вне зависимости от государственной власти [Борисенков, 2012: 54; Кукарцева, 2017: 43-44]. Он выражается тогда, когда население страны (или отдельная его часть) формирует политическое самосознание, основанное на понимании необходимости и возможности осуществления изменений положения в стране в целом или своего положения в

общественной системе. Граждане сегодня имеют возможность оказывать влияние на руководство стран путем проведения, в частности, митингов, демонстраций, пикетов, наконец, подписания петиций, в том числе и с помощью сети Интернет.

Как было указано выше, основные демократические принципы, в том числе, и принцип возможности волеизъявления граждан, отражены во многих конституциях или Биллях о правах (если они имеются в государстве, как, например, в США, Великобритании или Франции). Однако, даже имеющий юридическое закрепление, данный принцип часто либо не реализуется вообще, либо воплощается в общественной практике с рядом ограничений. Подобная ситуация складывается по многим причинам, в зависимости от специфики той или иной страны. Со временем это приводит к тому, что наиболее распространенной формой действий граждан в политике выступает полный отказ от участия населения в политических процессах (иными словами, проявляется абсентеизм [Галкина, Еремина, 2014: 140-141]). Выявленные трудности являются следствием или не всегда эффективной политики власти, или последняя осуществляется недостаточно открыто и публично. Граждане не всегда знают и понимают, что они имеют на это право, либо они целенаправленно не хотят участвовать, отказываясь по своим личным причинам (в частности, резко выступают против предложенных руководством страны изменений в общественной жизни).

Культура демократии и политическая мобилизация

Отражение в законах государства демократических принципов, а также их принятие населением (легитимность) и реальное воплощение в политической и общественной практике определяются как *культура демократии* [Капто, 2017: 15; Панферова, Сельцовский, 2012: 13-14]. Данное политическое явление включает в себя понимание гражданами законов, их поведение в различных общественных процессах в рамках установленных правовых норм, выражение своего политического самосознания, включающего осознание значимости законов в жизни страны, отношения к действиям власть имущих. Степень выражения, прежде всего, в Конституции, наиболее значимых принципов демократии, а также их принятие или непринятие гражданами позволяет определить уровень развития культуры демократии в государстве. Чем меньше население осведомлено о законодательной базе своей страны, чем меньше демократических свобод в них отражено, тем меньше шансы на участие граждан в политических и общественных процессах. Следовательно, уровень культуры демократии характеризуется как низкий.

Поскольку в современном мировом сообществе демократизация является всеобщей тенденцией, власти разных стран стремятся менять подобные ситуации, повышать уровень культуры демократии своих граждан, в частности, путем вовлечения все большего количества людей как минимум в избирательные процессы. Сегодня во многих государствах проводятся активные предвыборные кампании, в рамках которых население пытаются ориентировать на проявление

политической активности, постепенно расширяя масштабы влияния на него с целью включения граждан во все большее число способов их прямого участия в общественной жизни.

Повышение степени участия граждан в политических процессах, усиление их активности, ориентация все большего числа представителей населения страны на действия, выражающие их отношение к властям и принимаемым ими решениям, сегодня осуществляют путем проведения *политической мобилизации* граждан [Киняшева, 2016: 54]. Данное понятие широко распространено, в частности, в политической социологии, где под ней понимают «постепенное сосредоточение и использование государственным или негосударственным актором политики различных материальных и человеческих ресурсов с целью достижения своей цели» [Кремень, 2013: 147].

Категория «политическая мобилизация» достаточно противоречива. Часто она ассоциируется с различными постоянно меняющимися способами манипуляции сознанием граждан, попытками управлять мнением населения в угоду определенных социальных и политических групп или отдельных личностей, что у многих вызывает негативную реакцию. С другой стороны, в современном информационном обществе политическая мобилизация дает возможность гражданам в непрерывном, расширяющемся потоке обновляющихся ежедневно сведений получать переработанную и систематизированную информацию в легкой и ненавязчивой форме. С помощью процессов мобилизации граждане имеют возможность перейти в новый статус, приобрести новые роли (например, не избирать, а самому быть избранным) и т.д. Иными словами, политическая мобилизация сегодня выступает одним из наиболее действенных способов увеличения вовлеченности граждан в политику, что позволит повысить уровень культуры демократии населения и общества в целом.

Применяется политическая мобилизация двумя основными способами. Прежде всего, говорят о *прямой мобилизации*. Данный способ предполагает обращение политических деятелей напрямую, без посредников, к населению в результате личного контакта. В подобных стратегиях есть положительные стороны, в частности, возможность политика (или будущего политика) подстроиться под конкретную личность, ее особенности восприятия, и, тем самым, донести необходимую информацию адресно. Однако же прямые встречи «лицом к лицу» во многом зависят от личности самого политика, что значительно усложняет подготовку его речи, внешнего вида и ряда других аспектов. Наиболее эффективно данный вариант мобилизации граждан работает при условии яркой индивидуальности и харизматичности лидера (кандидата), в иных случаях нужный результат может быть не достигнут.

В ситуациях, когда прямая мобилизация не способствует активизации населения, его вовлечению в политические процессы, применяют *непрямую (косвенную)* мобилизацию, которая предоставляет больше возможностей для работы с большими массами людей. Реализуется не прямая (косвенная) мобилизация граждан на участие в политике во многом путем применения

эффективных приемов политической рекламы и пиара [Шпаковский, 2019: 224; Чубай, 2015: 116]. Именно на их основе удастся вовлечь все новые социальные группы в политику, увеличивая тем самым границы политического активизма населения. В современных условиях наиболее масштабно приемы косвенной рекламы с целью политической мобилизации применяются в интернет-пространстве, что подтверждают многочисленные эмпирические исследования данной проблемы [Кныжова, Суслов, 2019].

Политическая реклама

Политическая реклама – понятие многозначное, что предполагает большое количество определений данной категории. В частности, ее можно охарактеризовать как форму политической коммуникации, которая адресно, лаконично и креативно воздействует на электоральные группы [Артемьев, 1988: 9]. Она отображает основные идеи политической программы субъекта политики (например, кандидата или партии), настраивает потенциальных избирателей на их поддержку, формирует и укрепляет в сознании населения представление о сути, специфике данных политических акторов, а также создает благоприятный, часто положительный настрой у граждан.

Политическая реклама направлена на установление связи между носителями власти и потенциальным электоратом, применяя при этом легкую и доступную для восприятия рядового гражданина форму донесения информации. Благодаря различным приемам привлечения внимания (как рациональным, так и эмоциональным) реклама способна изменить мировоззрение и идеологические представления избирателей, предложив им более яркий и оригинальный образ с целью переключения внимания на нужный объект. Поскольку большой процент информации люди воспринимают, основываясь на эмоциях, именно рекламная продукция (буклеты, листовки, рекламные ролики, объявления), оформленная с учетом всех требований, дает возможность более продуктивно воздействовать на аудиторию. Причем, учитывая специфику современного информационного общества (или общества информационных технологий), в значительной степени «удовлетворять многие личные и общественные потребности, формировать социальные общности и регулировать их деятельность и связи...», в том числе и выстраивать взаимодействия в области политики, способны социальные медиа, предоставляющие колоссальные возможности для непрямого воздействия на уровень политической активности населения [Щекотуров, 2020: 19].

Обособленной группой, на которую необходимо воздействие, в первую очередь, с помощью политической рекламы, является молодежь. Современных молодых людей иногда обвиняют в ярком проявлении абсентеизма, в отсутствии стремления к активному включению в общественную и политическую жизнь общества. Вместе с тем, большой блок рекламной продукции создается именно в тех средствах массовой коммуникации, которые доступны и понятны, в первую очередь, молодежи. Упомянутые выше социальные медиа открывают большие возможности для молодых граждан, позволяя получать максимум информации о ситуации в стране и мире, а также возможности для реализации сформированных

в государстве демократических принципов [Гришин, 2021: 54; Дринова, Востроухова, 2022: 17]. Обращение молодежи к интернет-пространству имеет и негативные стороны, поскольку оно содержит большой объем фейковой, недостоверной, непроверенной информации. Вместе с тем, предоставив возможность молодым людям находить нужные данные, научить их сопоставлять и анализировать полученные сведения, можно минимизировать риски получения активных протестов, массового недовольства молодежи ситуацией в стране или выступлений против конкретных представителей власти [Каира, Михалев, Путилина, 2022: 113].

Заключение

Обобщив описанные выше пути осуществления мобилизации граждан, можно определить, что прямая мобилизация способствует формированию так называемого персонифицированного (индивидуального или группового) политического активизма. Она предоставляет меньше возможностей, как минимум, в количественном отношении, поскольку не предполагает обращение одновременно к большому числу граждан с помощью различных наглядных средств рекламирования. В свою очередь, косвенная мобилизация направлена на работу с большими массами избирателей, а не с отдельными представителями электората.

Современные политические процессы во многих странах мира, глобализация во всех ее проявлениях, ускорение темпов жизни людей, информатизация и компьютеризация многих сторон жизни привели к тому, что в начале 80-х гг. XX века стала оформляться интегрированная модель политической мобилизации. Данная стратегия усиления активности граждан в политике сочетает в себе отдельные стороны прямой и косвенной стратегий, выделяя лишь те, которые наиболее эффективны в той или иной стране, либо в конкретных условиях жизни общества. Подобная модель, в частности, применяется и в Российской Федерации. Она позволяет обращаться к различным социальным группам, с разными возможностями, уровнем знаний, способностями, потребностями. Однако осуществление подобной стратегии сложнее, поскольку предполагает соотнесение иногда противоположных элементов политического процесса, что вносит определенные трудности. Вместе с тем, в современных условиях интегрированная (смешанная) модель предоставляет больше возможностей, что заставляет все чаще к ней обращаться.

Политическая активность населения в современных государствах является важным показателем степени их демократичности с учетом того, насколько воплощаются в их законах и реализуются в реальной общественной жизни такие демократические принципы, как права человека и их гарантии, свобода слова и многие другие. Существенную роль в характеристике уровня развития демократии в стране играет возможность волеизъявления населения с целью донести до власти свое мнение, желания, потребности для построения более эффективной внутренней, а зачастую, и внешней политики страны.

Объем вовлеченности граждан в политическое участие в различных формах свидетельствует о том, насколько хорошо граждане осведомлены о своих правах и свободах, закрепленных в законодательстве, принимают ли властные решения. В интересах власти – как можно в большей степени воздействовать на усиление проявлений среди населения положительной политической активности в государстве, что возможно лишь при условии всеобъемлющего и всестороннего влияния на настроения людей путем прямой и косвенной мобилизации граждан. За счет последних возможно повысить уровень культуры демократии населения, сформировать у его представителей лояльное отношение к власти и всем общественным процессам, которые она инициирует.

Список литературы (References)

1. Аксенов А.А. Реклама в политике. Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнаГТУ», 2013. 113 с.

Aksenov A.A. (2013) Advertising in politics. Komsomolsk-on-Amur: FSBEI NPE «KnaSTU». 113 p. (In Russ.)

2. Борисенков А.А. О демократической политической культуре и политическом прогрессе // Философская мысль. 2012. № 2. С. 53-74.

Borisenkov A.A. (2012) O demokraticheskoy politicheskoy kul'ture I politicheskom progresse (On democratic political culture and political progress). Philosophical thought. No. 2. P. 53-74. (In Russ.)

3. Галкина Е.В., Еремина В.В. Противоречия современных демократий: политологический аспект // Гуманитарные и юридические исследования (Северо-Кавказский федеральный университет). 2014. № 2. С.139-143.

Galkina E.V., Eremina V.V. (2014) Protivorechiya sovremennih demokratiy: politologicheskiiy aspekt (Contradictions of modern democracies: the politological aspect). Humanities and law research (North-Caucasus Federal University). No. 2. P. 139-143. (In Russ.)

4. Гришин Н.В. «Теория подкрепления» и изучение влияния интернет-технологий на политическое участие современной молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 47-59.

Grishin N.V. (2021) «Teoriya podkrepleniya» I izuchenie vliyaniya internet – tehnologiy na politicheskoe uchastie sovremennoy molodegi (Reinforcement theory and study of the impact of internet technologies on political participation of modern youth). RUDN Journal of Political Science. Vol. 23. No. 1. P. 47-59. (In Russ.)

5. Дринова Е.М., Востроухова А.П. Политическая реклама и электоральные предпочтения молодежи в России // История. Общество. Политика. 2022. № 3 (23). С. 16-25.

Drinova E.M., Vostroukhova A.P. (2022) Politicheskaya reclama I elektoral'nie predpochteniya molodeji v Rossii (Political advertising and electoral preferences of young voters in Russia). History. Society. Policy. No. 3 (23). P. 16-25. (In Russ.)

6. Каира Ю.В., Михалев И.В., Путилина Ю.Ю. Влияние рекламы на формирование мировоззрения студенческой молодежи // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 112-126. DOI: 10.24412/2071-6141-2022-2-112-126.

Kaira Yu.V., Mikhalev I.V., Putilina Yu.Yu. (2022) Vliyanie reklami na formirovaniye mirovozzreniya studencheskoy molodeji (The influence of advertising on the formation of the worldview of students). Izvestiya Tula State University. Humanities. Issue 2. P. 112-126. DOI: 10.24412/2071-6141-2022-2-112-126. (In Russ.)

7. Капто А.С. Взаимодействие культуры мира и культуры демократии как ключевая проблема обновляющегося миропорядка // Право и управление. XXI век. 2017. №2(43). С.14-24.

Kapto A.S. (2017) Vzaimodeystvie kul'turi mira i kul'turi demokratii kak klyuchevaya problema obnovlyayushchegosya miroporyadka (Interaction of the culture of peace and the culture of democracy as the key challenge of the renewing world order). Journal of Law and Administration. No. 2 (43). P. 14-24. (In Russ.)

8. Киняшева Ю.Б. Возможности политической мобилизации граждан в современном российском обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 51-56.

Kinyasheva Yu. B. (2016) Vozmojnosti politicheskoy mobilizatii grajdan v sovremennom rossiyskom obshchestve (Opportunities for political mobilization of citizens in the modern Russian society). Izvestiya Tula State University. Humanities. No. 4. P. 51-56. (In Russ.)

9. Кныжова З.З., Суслов И.В. Потенциал и перспективы политической мобилизации в интернет-пространстве: обзор эмпирических исследований в мировом и российском контексте // Власть. 2019. № 5. С. 59-66.

Knyzhova Z.Z., Suslov I.V. (2019) Potential i perspektivi politicheskoy mobilizatii v internet – prostranstve: obzor empiricheskikh issledovaniy v mirovom i rossiyskom kontekste (The potential and prospects for political mobilization in the Internet space: a review of empirical research in the global and Russian context). Vlast'. No. 5. P. 59-66. (In Russ.)

10. Кремень Т.В. Политическая мобилизация: объекты и субъекты // Историческая и социальная образовательная мысль. 2013. №5. С. 146-149.

Kremen' T.V. (2013). Politicheskaya mobilizaciya: ob"ekty i sub"ekty (Political mobilization: objects and subjects). Istoricheskaya i social'naya obrazovatel'naya mysl'. No 5. P. 146-149. (In Russ.)

11. Кукарцева М.А. Политический активизм. Особенности стратегий современной политической мобилизации // Обозреватель – Observer. 2017. №5. С.43-54.

Kukartseva M.A. (2017) Politicheskij aktivizm. Osobennosti strategiy sovremennoy politicheskoy mobilizatii (Political activism. Peculiarities of strategies of modern political mobilization). Observer. No. 5. P. 43-54. (In Russ.)

12. Панферова В.В., Сельцовский П.А. Культура демократии как установление диалога власти и общества // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 4. С. 1-17.

Panferova V.V., Seltsovsky P.A. (2012) Kul'tura demokratii kak ustanovlenie dialoga vlasti i obshchestva (Democracy culture as a condition of the dialogue between the power and the society). Social and humanitarian knowledge. No. 4. P. 1-17. (In Russ.)

13. Самсонова Т.Н., Гурылина М.В. Основные тенденции политической мобилизации и политического участия граждан в современном российском обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. №4. С.41-46.

Samsonova T.N., Gurylina M.V. (2016) Osnovnie tendentii politicheskoy mobilizatii i politicheskogo uchastiya grajdan v sovremennom rossiyskom obshchestve (Major trends of citizen political participation and political mobilization in contemporary Russian society). Izvestiya Tula State University. Humanities. No. 4. P. 41-46. (In Russ.)

14. Технологии управления общественным мнением / В.О. Шпаковский [и др.]. М.: Инфра-Инженерия, 2019. 240 с.

Technologies for managing public opinion / V.O. Shpakovsky [et al.]. Moscow: Infra-Engineering, 2019. 240 p. (In Russ.)

15. Чубай С.А. Ключевые признаки политической рекламы как самостоятельного вида рекламной коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. № 3 (27). С. 115-121. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.3.16>.

Chubay S.A. (2015) Klucheveie priznaki politicheskoy reklami kak samostoyatel'nogo vida reklamnoy kommunikatii (Key features of political advertising as an independent type of advertising communication). Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. No. 3 (27). P. 115-121. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.3.16>. (In Russ.)

16. Щекотуров А.В. Социальные медиа: становление нового макдональдизированного института // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 1. С. 18-29.

Shchekoturov A.V. (2020). Social'nye media: stanovlenie novogo makdonal'dizirovannogo institute (Social media: the development of a new McDonaldized institution). RUDN Journal of Sociology. 2020. Vol. 20. No 1. P. 18-29.

Сведения об авторе:

Дьяченко Юлия Владимировна – доцент кафедры философии Саратовской государственной юридической академии, кандидат политических наук. Занимается изучением вопросов демократии, культуры демократии, политической рекламы, политического активизма. Автор более 30 научных и учебно-методических работ.

E-mail: polit78@inbox.ru

About the author:

Dyachenko Yuliya Vladimirovna – Associate Professor of the Department of Philosophy, Saratov State Law Academy, PhD in Political Sciences. Engaged in the study of the problems of democracy, culture of democracy, political advertising, political activism. The author of more than 30 scientific and educational works.

E-mail: polit78@inbox.ru

Поступила 27.03.2023; одобрена после рецензирования 09.04.2023; принята к публикации 15.04.2023.

УДК 159.99:18

DOI: 10.24412/2713-1033-2023-1-58-83

А. Е. Зимбули

Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: zimbuli@yandex.ru

Искусство в том и состоит, чтобы скрывать искусство, как говорит французская пословица.

Л. С. Выготский [Выготский, 2019: 31]

Вот интересно, а в чём тогда состоит психология?

А. Зимбули

КНИГА Л. С. ВЫГОТСКОГО «ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВА», ЧИТАННАЯ С КАРАНДАШОМ

В предлагаемом тексте автор делится опытом вчитывания в книгу одного из авторитетнейших психологов XX века, Л. С. Выготского. По ходу погружения в текст возникает немало недоумений, возражений, ассоциаций. Наблюдения, логика, выводы психолога оказываются интересными и обещают стать ещё более полезными, если их удастся объединить, как полагает автор, с рассуждениями других гуманитариев – в частности, культурологов, историков, эстетиков, этиков.

Ключевые слова: искусство, психология, художник, ценитель, исследователь, культура, философия

A. E. Zimbuli

The Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russia, e-mail: zimbuli@yandex.ru

VYGOTSKY'S BOOK «THE PSYCHOLOGY OF ART», WHICH WAS READ WITH A PENCIL IN HAND

In the proposed text, the author shares his experience of reading L.S. Vygotsky, one of the most authoritative psychologists of the twentieth century. In the course of immersion in the text, a lot of bewilderment, objections, and associations arise. The observations, logic, conclusions of the psychologist turn out to be interesting and promise to become even more useful if they can be combined, as the author believes, with the arguments of other humanists, in particular, culturologists, historians, aesthetics and ethics experts.

Keywords: art, psychology, artist, connoisseur, researcher, culture, philosophy

Введение

Люблю читать умные книги с карандашом в руке. Опытные читатели подтвердят: даже в том случае, если очень интересная книжка не своя, тоже есть разные возможности реагировать на зацепившие внимание мысли – например, прикладывая к читаемой страничке листок чистой бумаги, и помечая на одной стороне этого листка скобочку на уровне интересной строчки, а с обратной стороны листка вписывая возникающую свою ремарку: радостное согласие, неожиданность находки, недоумение, возражение, ассоциации. В этот раз книжка была не чужая, не библиотечная, так что я карандаш, можно сказать, из руки почти не выпускал. Тот экземпляр, с которым знакомился, выпущен в 2019-м году, тиражом 5000 экземпляров, по нашим временам вполне заметным. Книга – солидная, автора маститого, тема масштабная: Лев Семёнович Выготский «Психология искусства» [Выготский, 2019]. Л. С. Выготский справедливо почитается в наши дни как основатель влиятельной психологической школы, имеющей авторитет во всём мире. Однако мой читательский интерес не сводился к чистой психологии, ведь моя родная кафедра – «Эстетики и этики» в Российском государственном педагогическом университете, так что я приступал к чтению в больших надеждах прежде всего углубить-систематизировать представления о профессионально значимой сфере. В ожиданиях не обманулся, но и вопросов возникло множество. В основной части текста внимание будет сконцентрировано именно на них, а не на позитивной-конструктивной-эвристичной логике Л. С. Выготского. Надеюсь, что какие-то из моих вопросов-недоумений-запуток-предположений, возникавших по ходу чтения, окажутся полезными коллегам-гуманитариям. Итак, делюсь содержанием карандашных помет. На какие-то, вероятно, постараюсь сам ответить в ближайшем будущем, какие-то пусть станут пищей для ума более продвинутых и более скорых на профессиональную активность специалистов родственных сфер – прежде всего психологии, культурологии, социологии, эстетики, этики.

Основная часть: благодарность автору книги

Это замечательно, когда не просто читаешь, впитывая информацию, но буквально живёшь в тексте – принимая, вопрошая, домысливая, радуясь, почти живую беседуя или споря с многоуважаемым автором. Спасибо Автору за то, что такая беседа родилась! И уж пусть он не обижается теперь, что читатель иногда окажется или покажется тугодумом-спорщиком – ведь если имеют место взаимоуважение, честность, вдумчивость, то книга явно написана не зря!

С. 5 Предисловие	Не только психологических – тут есть масса точек приложения для политологии, коммерции, юриспруденции. А конкретно для психологии и этики важно разбираться в отношениях, которые складываются у художника прежде всего с ценителями, с близкими, коллегами, посредниками, с самим собой.
-------------------------	---

<p>С. 6 Вместе с Липпсом мы полагаем, что «эстетику можно определить как дисциплину прикладной психологии».</p>	<p>Эдак на любую науку со своей узкопрофессиональной точки зрения можно смотреть, как на прикладную. Правда тогда лучше бы громко не признаваться представителям окружающих наук в этой своей жизненной позиции «кулика», хвалящего своё болото.</p>
<p>С. 7 ясно, что психология искусства должна иметь отношение и к эстетике, не упуская из виду границ, отделяющих одну область от другой.</p>	<p>Жду-не дождусь, когда что-то будет высказано и про соседство психологии искусства с этикой.</p>
<p>С. 8 Вместе с Геннекеном мы смотрим на художественное произведение как на «совокупность эстетических знаков, направленных к тому, чтобы возбудить в людях эмоции»</p>	<p>Поскольку переживания в том числе бывают нравственно-психологические, тут есть обширнейшее поле для этики.</p>
<p>С. 9 психолог элиминирует чистую реакцию, сенсорную или моторную</p>	<p>Для этики важна реакция субъекта мыслительная, эмоциональная, поведенческая.</p>
<p>С. 10 Моя мысль слагалась под знаком слов Спинозы, выдвинутых в эпиграфе, и вслед за ним старалась не предаваться удивлению не смеяться, не плакать – но понимать.</p>	<p>А вот я бы не хотел во время изучения интересных явлений оставаться безучастным к ним.</p>
<p>С. 13 Глава 1. Психологическая проблема искусства</p>	<p>Устойчиво считаю, что в подобных ситуациях лучше было бы говорить и писать: «психологические аспекты искусства», «психологические ракурсы сферы искусства». А то из формулировки получается, что для искусства психология создаёт проблемы.</p>
<p>Если назвать водораздел, разделяющий все течения современной эстетики на два больших направления, – придётся назвать психологию.</p>	<p>Наверное, эстетику можно делить и экономически, политологически, логически – да мало ли ещё как!</p>
<p>С. 14 <цитируется О. Кюльпе:> «Эстетика должна рассматриваться как психология эстетического наслаждения и художественного творчества»</p>	<p>Подобным образом можно всю кулинарию свести к кондитерским изделиям.</p>
<p>С. 16 В области эстетики [...] Всё яснее начинает сознаваться та мысль, что искусство может сделаться предметом научного изучения</p>	<p>Разве эстетика – наука только об искусстве? Убеждён, что это было понятно даже задолго до публикации книги «Красота и мозг: Биологические аспекты эстетики» [Красота и мозг, 1995].</p>

<p>С. 17 водораздел [...] отделяет ныне социологию искусства от психологии искусства, указывая каждой из этих областей свою особую точку зрения на один и тот же предмет исследования.</p>	<p>Что ещё тут могло бы работать сообща? – экономика, политология, этика искусства, криминология искусства, патопсихология искусства.</p>
<p>С. 22 <цитируется Н. И. Бухарин:> «Можно сказать, что искусство есть средство “обобществления чувства”, или, как вполне правильно определял Л. Толстой, “средство эмоционального заражения”».</p>	<p>Хотелось бы надеяться, где-то систематизированы эстетические переживания. К сожалению, в изданиях «Психологическая энциклопедия» [Психологическая энциклопедия, 2003], «Эстетика и этика: глоссарий» [Этика и эстетика, 2015] подобной систематизации не представлено.</p>
<p>С. 24 социальные психологи [...] Мак-Дауголл, Лебон, Фрейд и другие, рассматривающие социальную психику как нечто вторичное, возникающее из индивидуальной.</p>	<p>Тогда уж куда более логичен взгляд обратный: индивид – это порождение общности.</p>
<p>С. 25 “Социальное” живёт не между людьми, а в головах этих людей.</p>	<p>И там, И там!</p>
<p>именно психология отдельного человека, то, что у него есть в голове, это и есть психика, которую изучает социальная психология. Никакой другой психики нет.</p>	<p>Никак не могу смириться с тем, что «психология», по логике словообразования возникавшая как «учение о душе», от души в последние десятилетия устойчиво отворачивается. И вправду изучает едва ли не исключительно мыслительные процессы. К которым внутренняя жизнь человека далеко не сводится. Психология должна бы заниматься и изучением эмоциональных состояний человека, в том числе по поводу взаимоотношений.</p>
<p>С. 28 Пушкин отнюдь не одиночный автор своей поэмы. Он, как и всякий писатель, не изобрёл сам способа писать стихами, рифмовать, строить сюжет определённым образом и т.п., но, как и сказитель былины, оказался только распорядителем огромного наследства литературной традиции, в громадной степени зависимым от развития языка, стихотворной техники, традиционных сюжетов, тем, образов, приёмов, композиции и т.п.</p>	<p>Ну да – композитор не изобрёл и ему не «принадлежат» ноты, инструменты, тем более исполнители. Среди живописцев, по всей видимости, было не так уж много изобретателей красок, мольбертов, кисточек, холстов, рам.</p>
<p>С. 29 предметом социальной психологии, оказывается, является именно психика отдельного человека.</p>	<p>Подобным образом правила дорожного движения окажутся директивой исключительно для индивида. Да и вся</p>

	вместе взятая культура – только сферой для погружения в неё индивида.
С. 34 <цитата из книги М. С. Григорьева:> «самая попытка использовать хорей для элегии так же нелепа, как нелепо, по остроумному сравнению поэта Ивана Рукавишников, лепить негра из белого мрамора». [...] В скульптуре негр может быть белым, как в лирике мрачное чувство может выражаться хореем.	А я – вполне могу представить такую скульптуру. Отрадно, что я-непрофессионал угадал суть конкретного вопроса.
С. 43 новый метод психологии искусства, который в классификации методов Мюллер-Фрейенфельса получил название «объективно-аналитического метода». Надо попытаться за основу взять не автора и не зрителя, а самое произведение искусства.	И зачем, простите, их друг от друга отрывать, друг другу противопоставлять? Дополнять-суммировать – да, полезно. Но именно не противопоставляя, не разрывая целостную сферу искусства.
С. 44 Плох был бы тот судья, который стал бы выносить приговор на основании рассказа обвиняемого или потерпевшего, то есть лица заведомо пристрастного и по самому существу дела извращающего истину.	Так и в психологии искусства для объективности нужно было бы отстраняться от художника, его коллег и конкурентов, от ценителя, посредника, коллекционера, издателя, критика, коммерсанта. И где же, спрашивается, мы сумеем обрести абсолютно непредвзятого субъекта?
С. 45 всякое произведение искусства естественно рассматривается психологом как система раздражителей, сознательно и преднамеренно организованных с таким расчётом, чтобы вызвать эстетическую реакцию.	Ох уж этот научно-устроженный язык! «Хорошо темперированный клавир» Баха, «Казанский собор» Воронихина, «Лунная ночь на Днепре» Куинджи, «Василий Тёркин» Твардовского, мультфильмы серии «Ну, погоди!», оказывается, – это «системы раздражителей»!
С. 49 Глава 2. Искусство как познание В психологии было выдвинуто чрезвычайно много различных теорий, из которых каждая по-своему разъясняла процессы художественного творчества или восприятия. Однако чрезвычайно немногие попытки были доведены до конца.	Это ж где в науке может быть КОНЕЦ? Тут есть над чем призадуматься.
Большей частью психологи отрывочно и фрагментарно разрабатывали только отдельные проблемы, отдельные части и стороны интересующей нас теории искусства, причём вели это исследование часто в совершенно разных и непересекающихся плоскостях	Похоже, это общая беда самых разных наук – в том числе эстетики, этики, когда даже старательные и талантливые исследователи частенько действуют по принципу «кто в лес, кто по дрова».

<p>С. 52 <цитируется А. А. Потебня:> «этимологически слово ”луна” обозначает нечто капризное, изменчивое, непостоянное, прихотливое (намёк на лунные фазы)»</p>	<p>Даже не подозревал! И как, скажите, теперь воспринимать распространённое на Востоке ласковое обращение к женщинам: «о, лунолика!»</p>
<p>С. 53 <заканчивается цитата из А. А. Потебни:> «Вместо “содержание художественного произведения” можем употребить более обыкновенное выражение, именно “идея”».</p>	<p>Могу предположить, что для кого-то более обыкновенным покажется «порыв» или «сгусток эмоций». Для кого-то «потребительная ценность». Или, как было объяснено чуть раньше – «система раздражителей»</p>
<p>С. 54 <цитируется Д. Овсяннико-Куликовский:> «Шекспир отлично объяснил ревность сначала самому себе, а потом уже – всему человечеству».</p>	<p>Так ведь в «Отелло» речь не только про ревность. А также, например, про легковёрность, про несдержанность. Этим искусство как раз и интересно!</p>
<p>Искусство отличается от науки только своим методом.</p>	<p>Интересный взгляд! Спорт, медицина, музыка, религия, политика – отличаются друг от друга исключительно методом.</p>
<p>С. 55 <пересказывается смысл рассуждений Д. Овсяннико-Куликовского:> Искусство требует только работы ума, работы мысли, всё остальное есть случайное и побочное в психологии искусства.</p>	<p>Наверное, работа ума требуется где угодно – в медицине, в досуге, в политике. Но слово «только» меня буквально стопорит. Лично я если хожу в театр, кино, на филармонические концерты – то в последнюю очередь для того, чтобы поработать умом. И вряд ли я такой один.</p>
<p>образ, необходимый для понимания известной идеи, сказуемое к этой идее “дано мне заранее художником, оно было даровое” [снова ссылка на Д. Овсяннико-Куликовского]. И вот это даровое ощущение относительной лёгкости, паразитического удовольствия от бесплатного использования чужого труда и есть источник художественного наслаждения.</p>	<p>Тогда почему же если кто-то поднял мешок с песком на сотый этаж, или мне покажут об этом кинохронику – я вовсе не обязательно буду радоваться?</p>
<p><продолжаются ссылки на Д. Овсяннико-Куликовского:> «Ни науку, ни философию мы не назовём деятельностью эмоциональными...»</p>	<p>Диву даюсь – как мог такое высказать Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский, почётный член Российской академии наук. Неужели 100-130 лет назад среди учёного сообщества бытовали исключительно утомлённые жизнью, достигшие пика интеллектуального величия или исскужавшиеся от безделья люди? Да загляните вы в опубликованную именно в ту пору книгу Ленина (под авторством Вл. Ильина) «Материализм и эмпириокритицизм» [Ленин, 1936]. И заодно – в рецензию на эту книгу, составленную Л. И. Аксельрод [Аксельрод, 1936]. Чего</p>

	совершенно нет ни в книге, ни в рецензии – так это холодного академизма!
С. 58 <снова цитируется Д. Овсянико-Куликовский:> «представьте себе, например, прощание Гектора с Андромахой, рассказанное Писемским».	А если пересказывать возьмётся, допустим, язвительный А. Бильжо?
С. 62-63 Поправляя этюд ученика, Брюллов в нескольких местах чуть тронул его, и плохой, мёртвый этюд вдруг ожил. “Вот, чуть-чуть тронули, и всё изменилось”, – сказал один из учеников. “Искусство начинается там, где начинается чуть-чуть” – сказал Брюллов, выразив этими словами самую характерную черту искусства. Замечание это верно для всех искусств	Кабы к этому выразительному эпизоду ещё было высказано хоть краткое пояснение, что же именно может скрываться за этим «чуть-чуть», – можно было считать рассказ не примером исторического анекдота, а фрагментом научного исследования. Пока же всё выглядит как ссылка на неразгаданное (и нераскрываемое!) ноу-хау
С. 64 Искусство начинается там, где начинается чуть-чуть, – это всё равно что сказать, что искусство начинается там где начинается форма.	А что вообще не начинается с чуть-чуть? Религия, наука, медицина, спорт?
С. 66 Что сделал бы Потемкин, если бы продолжал свою работу, мы не знаем, но к чему пришла его система, последовательно развиваемая его учениками, мы знаем	Очень хороша мысль. Плюс – важна последовательность, усматриваемая критиком, конкурентом.
Для нас совершенно очевидно, что те интеллектуальные операции, те мыслительные процессы, которые возникают у каждого из нас при помощи и по поводу художественного произведения, не принадлежат к психологии искусства в тесном смысле этого слова.	Зачем разрывать-противопоставлять? Искусство – оно искусство и на рынке, и у контрабандиста, и у цензора, и у археолога!
С. 68 Выводы, к которым пришли сами символисты, прекрасно сконцентрированы Вячеславом Ивановым в формуле, гласящей, что «символизм лежит вне эстетических категорий»	Бедная эстетика, как её только не шпыняют! Но уж если она терпит-молчит – такова ей цена.
С. 71 говоря о психологии лирики, Овсянико-Куликовский отмечает следующую её особенность, именно то, что она вызывает не работу мысли, а работу чувств.	А зачем, спрашивается, их сталкивать? Нужен – синтез!
С. 72 Осмыслить можно решительно всё.	Я бы высказался осторожнее: осмысливать, пытаться осмыслить – можно всё.
само по себе произведение никогда не может быть ответственно за те мысли, которые могут появиться в результате его.	А вот это вопрос. Если при виде ангела лично я принимаюсь думать про чёрта, – это

	совсем не тот случай, когда я смотрю на чёрта и принимаюсь думать о чертенятах.
С. 73-74 «Мир “Записок охотника”, – говорит Гершензон, – ни дать, ни взять крестьянство Орловской губернии 40-х годов; но если присмотреться внимательно, легко заметить, что это – маскарадный мир, именно – образы душевных состояний Тургенева, одетые в плоть, в фигуры, в быт и психологию орловских крестьян, а также – в пейзаж Орловской губернии».	Эдак при чтении любого текста к нему может быть примыслен мир подозрительного цензора. Причём этот мир и автор уже может заранее предвидеть, учитывать. Но нужны ли такие потенциально бесконечные усложнения?
Как совершенно правильно формулировал Гумбольдт: всякое понимание есть непонимание, то есть процессы мысли, пробуждаемые в нас чужой речью, никогда вполне не совпадают с теми процессами, которые происходят у говорящего.	Зачем впадать в когнитивное капитулянство? – выражение «дважды два» вряд ли нормальный собеседник истолкует неадекватно. Если бы всё обстояло так, как утверждают Гумбольдт и Выготский, никакого осмысленного общения между людьми бы не существовало. Речь должна вестись о мере, возможной и достаточной мере взаимопонимания
С. 81 Обычно говорят, что читатель или зритель своей фантазией дополняет данный художником образ. Однако Христиансен блестяще разъяснил, что это имеет место только тогда, когда художник остаётся господином движений нашей фантазии и когда элементы формы совершенно точно предопределяют работу нашего воображения.	Сперва подумал: это где ж читателя-слушателя так берут под уздцы? Потом вспомнил недавно встреченную в интернете шутку: Если вы утверждаете, что вами никто не манипулирует, значит, вами манипулируют профессионалы. И всё же возвращаюсь к первой мысли: сколь бы волевым+дальновидным ни был автор, есть разница между художественным произведением – и командами типа «Батарея, подъём!» или «Шагом – марш!».
С. 88 Глава 3. Искусство как приём художественное произведение, если разрушить его форму, теряет своё эстетическое действие.	Насколько догадываюсь, в современном искусстве уже не редкость ситуации, когда эстетическое действие задаётся не формой, а названием.
С. 90 поэт не изобретает слова, а только располагает их в стих.	Близкая мысль уже была высказана на С. 28. Да – то же можно говорить про писателя, журналиста, учёного: они только располагают слова в очередной текст.
С. 94 Г. Лансон совершенно правильно говорит: «Мы, критики, делаем то же, что господин Журден. Мы “говорим прозой”, то есть, сами того не ведая, занимаемся социологией»	Подобным образом все мы живём-взаимодействуем с разной мерой осмысленности+активности+умелости в политике, науке, религии, праве, морали, искусстве, спорте, медицине, экономике.

<p>С. 96 у приёма искусства оказывается своя цель, которой он всецело определяется и которая не может быть определена иначе, как в психологических понятиях.</p>	<p>Поскольку мы живём в многомерности-многовекторности, осмысливать приёмы искусства нужно и в понятиях политических, научных, религиозных, правовых, моральных, спортивных, медицинских, экономических</p>
<p>становясь привычными, действия делаются автоматическими. [...] Процессом автоматизации объясняются законы нашей прозаической речи, с её недостроенной фразой и с её полувыговоренным словом... [...] И вот для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи, для того, чтобы сделать камень каменным, существует то, что называют искусством.</p>	<p>Насколько догадываюсь, и на высших уровнях искусства эти самые автоматизмы сохраняются – не зря виртуозы-исполнители усиленно отработывали бесчисленные гаммы, живописцы – множили этюды, а балерина тренировала и тренировала варианты фуэте. Я старомодно понимаю искусство как становящееся незаметным совершенство, фокусирующее внимание на чём бы то ни было занятом.</p>
<p>С. 98 Жирмунский <рассматривает> произведение «как эстетическую систему, обусловленную единством художественного задания, то есть как систему приёмов».</p>	<p>Да, и частушку, и шарж, и какую-нибудь максимально лаконичную гравюру можно рассматривать целостно-системно. И ведь наверняка в эстетике давно существует универсальная формула наподобие той, о которой я раз за разом рассуждаю применительно к нравственной оценке тех или иных сюжетов: мотив-цель-контекст-инструмент-старание-результат-отношение.</p>
<p>С. 101 <Христиансен:> «Хорошо нарисованный пучок редьки выше скверно нарисованной Мадонны»</p>	<p>Тут возможны и вариации: какой-нибудь художник способен намеренно и умело изуродовать Мадонну. Вспомним Салмана Рушди; еженедельник «Шарли Эбдо». Или в первой половине прошлого века такое даже придумать было трудно?</p>
<p>С. 103 <С. Аскольдов:> «Наиболее явственно обнаруживается значимость формы для содержания на тех последствиях, которые обнаруживаются, когда её отбросят, например, когда сюжет просто рассказать. Художественная значимость содержания тогда, конечно, обесценивается»</p>	<p>Смотря Кто, Где, Когда пересказывает. Охотно допускаю, что буду с восторгом слушать чей-то вольный, даже не привязанный к хронологии пересказ – и он вполне может оказаться ярче-выразительнее изначального сюжета.</p>
<p>С. 104 <С. Аскольдов:> «То, что форма чрезвычайно значима в художественном произведении, что без специфической в этом отношении формы нет художественного произведения, это, думается, признано давно всеми, и об этом нет спора. Но значит ли из этого, что форма одна его создаёт?»</p>	<p>Разумеется – будет очень по-разному восприниматься одно и то же изображение, выполненное на классной доске, в стенгазете (если такие ещё где-то существуют), на личной страничке в социальной сети, на стенке в подъезде или на заборе. Причём повторю – лично для меня будет очень</p>

	значимо то, кто именно является автором изображения.
С. 105 <футуристы> проповедовали заумный язык утверждая в § 5 <своего манифеста>, что заумь пробуждает и даёт свободу творческой фантазии	Для меня лично очевидно, что в искусстве, как и в других сферах жизни, вообще говоря, возможны сочетания-столкновения разных векторов и полюсов – глубочайшего смысла / бессодержательности, безбожия / фанатизма, тирании / анархии, безволия / бунта, бесстыдства / морализаторства. И в интересах как всей культуры, так и каждого отдельного субъекта – везде стоит придерживаться положительных векторов и стараться соблюдать меру.
С. 108 <Б. Кроче> «Каким физическим фактам соответствует прекрасное? Каким из них соответствует безобразное?»	Лично мне многое объяснила уже упомянутая чуть выше книга, изданная в гораздо более поздние годы, нежели жил и рассуждал о психологии искусства Л. С. Выготский, – «Красота и мозг: Биологические аспекты эстетики» [Красота и мозг, 1995]. Вдобавок – наверняка есть все основания говорить о реально безобразном и эстетически безобразном. Безобразное можно воспринимать, безобразия можно чинить, и художественно изображать.
С. 110 формальная экспериментальная эстетика со времени Фехнера видела в большинстве голосов решающее доказательство в пользу истины того или иного психологического закона. [...] Нет никакого более опасного заблуждения для психологии, чем это.	Если психологи и вправду так полагали, мне очень печально. Я с младших курсов учёбы в вузе отчётливо помню мысль Сенеки: «Одобрение толпы – доказательство полной несостоятельности» [Сенека, 1969: 510].
С. 111 Вундт [...] с исчерпывающей ясностью разъяснил, что в психологии искусства нам приходится иметь дело с чрезвычайно сложным видом деятельности, в котором момент удовольствия играет непостоянную и часто ничтожную роль.	Эту логику – даже без прохождения краткосрочных курсов – подтвердят рядовые любители кинопродукции, вызывающей слезу или ужас, ценители острых приправ типа горчицы-уксуса-аджики, не говоря уже про тех людей, кто по самым разным причинам пристрастился к «горькой».
С. 112 Вундт презрительно отзывается о работе К. Ланге и других психологов, утверждающих, что “в сознании художника и воспринимающего его творение нет другой цели, кроме удовольствия...”	И зачем критиковать-оспаривать-презирать? Такие художники и такие ценители, конечно же, есть. Потому-то особо важно выстроить целостные матрицы разновидностей 1. Художников, 2. Ценителей, 3. Критиков, 4. Посредников, 5. Исследователей-искусствоведов, 6. Психологов, 7. Замыкающихся на искусство Чиновников.

<p>С. 113 несостоятельность элементарного гедонизма.</p>	<p>Опять же – такое мироотношение, разумеется, вполне распространено. Другое дело, что при помощи только его невозможно объяснить сложный-многомерный мир искусства. Конечно, лично мне куда более универсальным объяснением для психологии искусства представлялось бы побуждение потенциального художника ПОДЕЛИТЬСЯ (переживанием, восхищением, болью, радостью и т.п.). Другие подробности уже наслаиваются: для Художника – готовность заниматься творчеством сообща, жажда славы, стремление разбогатеть, надежда забыться-отвлечься от житейских невзгод-болей-испытаний; для Ценителя – желание развлечься, отвлечься, просветиться; для Посредника – готовность поддержать художника, просветить ценителя, самоутвердиться и так далее.</p>
<p>С. 117 Толстой критиковал Гончарова как совершенно городского человека, который говорил, что из народной жизни после Тургенева писать нечего</p>	<p>Могу допустить, что В. М. Шукшин не особо читал одного, другого и третьего – за что ему в итоге огромное спасибо!</p>
<p>С. 118 <Толстой:> «Мы думаем, что чувства, испытываемые людьми нашего времени и круга очень значительны и разнообразны, а между тем в действительности почти все чувства людей нашего круга сводятся к трём, очень ничтожным и несложным чувствам: к чувству гордости, половой похоти и тоски жизни. И эти три чувства и их разветвления составляют почти исключительное содержание искусства богатых классов».</p>	<p>Не в бровь, а в глаз! Ну – ещё бы добавить жадность приобретательства и страх лишиться накоплений.</p>
<p>С. 120 Глава 4. Искусство и психоанализ как отмечал ещё Платон, сами поэты меньше всего знают, каким способом они творят.</p>	<p>А философы? А психологи? А политики?</p>
<p>С. 121 Само собой разумеется, что такими объективными фактами, в которых бессознательное проявляется всего ярче, являются сами произведения искусства и они-то и делаются исходной точкой для анализа бессознательного.</p>	<p>Даже я, человек вполне далёкий от современного искусства, слышан, насколько непросто многое там устроено – под маркой инсталляции или перформанса любые плевок, окурок или сопля могут оказаться включёнными в мир искусства.</p>
<p>С. 125 <сопоставляя детскую игру с искусством, Фрейд указывает на то,> что ребёнок</p>	<p>Лично у меня нет статистики, но что-то мне подсказывает: применительно к сфере</p>

<p>никогда не стыдится своей игры и не скрывает своих игр от взрослых, а взрослый стыдится своих фантазий и прячет их от других.</p>	<p>искусства соотношение стыда и бесстыдства у взрослых со времён Фрейда и Выготского изрядно изменилось в сторону преобладания бесстыдства.</p>
<p>С. 128 Совершенно серьёзно психоаналитики утверждают, как говорит Мюллер-Фрейенфельс, что Шекспир и Достоевский потому не сделались преступниками, что изображали убийц в своих произведениях и таким образом изживали свои преступные наклонности.</p>	<p>Вот бы где узнать мировую статистику того, сколько людей в среднем за столетие в разных странах не становятся гениями, честными тружениками, счастливыми семейными людьми после того, как наделят подобными характеристиками своих литературных героев? Или сколько людей стали предателями, пропев гимн?</p>
<p>С. 130 И подобно тому как во сне подавленные желания проявляются в сильно искажённом виде <это продолжается пересказ психоаналитического подхода в истолковании искусства>, так же точно в художественном произведении они проявляются замаскированные формой.</p>	<p>Нужно бы обязательно обратиться к экспертам-психоаналитикам, чтобы истолковать и систематизировать философские тексты по патопсихологическим основаниям – чем страдали Аристотель, Фома, Монтень, Кант. Про Маркса – уже сам могу догадаться: он пытался выстроить мирообъяснение, основываясь на экономической логике, из-за своего комплекса финансовой неполноценности.</p>
<p>С. 131 психоаналитики различают два момента в художественном произведении: один момент – предварительного наслаждения и другой – настоящего.</p>	<p>А последующего? И вообще мне навскидку видится куда большее разнообразие времён в восприятии художественного произведения даже одним ценителем: предвкушение; восприятие; воспоминание, плюс к тому предвкушение того, как с кем-то будешь делиться впечатлением, + моменты, когда делишься и когда вспоминаешь. Я уж не говорю о вариантах, когда в дело включатся редактор-критик-рецензент-цензор-издатель-устроитель выставки</p>
<p>С. 133 изобразительное искусство объясняется и понимается [~ <психоаналитиками>] как сублимирование инстинкта сексуального разглядывания, а пейзаж возникает из вытеснения этого желания.</p>	<p>А гурманы – тоже возникают через подобную сублимацию? Или всё же это особый ценностный вектор мироотношения?</p>
<p>С. 140 – 141 Поистине гениально! Не волшебный ключ, а какая-то психоаналитическая отмычка, которой можно раскрыть все решительно тайны и загадки творчества.</p>	<p>Очень справедливая ирония – её можно было бы адресовать также социально-экономическому подходу к объяснению природы человека и общечеловеческой культуры.</p>

<p>С. 145 наивный реалистический подход к произведению искусства, который обнаруживает исследователь, когда по «Скупому рыцарю» хочет изучить действительную скупость.</p>	<p>Очень важное замечание – не раз встречал рассуждения вполне серьёзных людей, которые готовы выразительные примеры из искусства использовать в качестве не иллюстраций, а аргументов.</p>
<p>С. 149 Глава 5. Анализ басни Начинать приходится именно с басни потому что она стоит именно на грани поэзии и всегда выдвигалась исследователями как самая элементарная литературная форма.</p>	<p>Я, конечно, понимаю, что частушка – не во всём мире распространена. Но почему многоуважаемый Лев Семёнович Выготский прошёл мимо поговорки? Разве это не литературная форма?</p>
<p>С. 151 «...Басня есть один из способов познания житейских отношений, характера человека, одним словом, всего, что относится к нравственной стороне жизни» <А. А. Потебня></p>	<p>Для меня лично басня – краткий рифмованный рассказ с поучением. Очень рад, что Л. С. Выготский столько внимания уделяет всматриванию в этот сюжет.</p>
<p>С. 155 [~ теория Потебни и Лессинга] относится не к басне как к явлению в истории искусства, а к басне как системе доказательств.</p>	<p>К стр. 145 уже писал о разнице между искусством и логикой. Здесь повторю: разве метафора – это доказательство?</p>
<p>С. 163 аллегоричность и поэтичность сюжета оказываются в прямо противоположном отношении.</p>	<p>По мне, аллегория и поэтичность соотносятся, как перпендикулярно направленные векторы.</p>
<p>С. 164 Она <басня> не живёт тысячелетия. Басни Крылова и всяких других авторов в свою эпоху имеют существенное значение, затем они начинают всё более и более вымирать.</p>	<p>Не поленился, перелистал сборник басен И. А. Крылова [Крылов, 1976]. Насчитал 24 такие басни, которые спустя двести лет вполне выразительны, доходчивы, актуальны, хлестки!</p>
<p>С. 169 <Г. Лессинг:> «вместо людей выводя зверей или ещё более низкие существа»</p>	<p>Кто как – а я бы воздержался от высокомерия в адрес орла, льва, пчелы. А как подумаю про осьминога, который одновременно управляется восемью щупальцами – скромно умолкаю.</p>
<p>С. 172 Совершенно ясно, что тенденция поэта как раз обратна тенденции прозаика.</p>	<p>Уже не первый раз удивляюсь тому, что автор видит противоположности там, где можно говорить о разнокачественности.</p>
<p>С. 175 всё то, что характеризует поэзию как таковую, кажется Лессингу несовместимым с басней</p>	<p>Вероятно, Г. Лессинг не читал лучших басен Крылова и Михалкова.</p>
<p><Г. Лессинг:> «Баснописец, наоборот, не имеет никакого дела с нашими страстями, но исключительно с нашим познанием»</p>	<p>Ничего себе! Похоже, мораль, он считает, внеэмоциональна? От амбициозности до самоуничтожения, от подбострастия до язвительности – это исключительно логика?</p>

<p>С. 176 <Лафонтен:> «Сократ был не единственным, кто рассматривал поэзию и басню как сестёр. Федр заявлял, что он придерживался того же мнения».</p>	<p>Тугодумно сравниваю поэзию и басню – как древо и ветвь.</p>
<p>С. 177 <Сократ, по рассказу Лафонтена> боялся взяться за поэзию потому что она требует непременно вымысла и неправды</p>	<p>Никак, если честно, не могу взять в толк эту ситуацию – ведь уже в античности существовала по крайней мере так называемая «дидактическая поэзия», да и неужели для детишек не было рифмованных запоминок на разные случаи жизни? Про рекламу – боюсь загадывать. Пусть специалисты раскопают из разных прошлых времён примеры добросовестной и не очень добросовестной рифмованной рекламы.</p>
<p>С. 179 в знаменитой басне о лебедь, раке и щуке [...] никаких черт характера у этих героев нет.</p>	<p>У кого как, а у меня с детства сложилось впечатление об этих персонажах, как о «замкнутых» и «упёртых». Это ли не черты характера?!</p>
<p>С. 180 Интересно, что эта идеальная с поэтической точки зрения басня встретила целый ряд очень суровых возражений со стороны целого ряда критиков. [...] «Можно ли, чтобы щука ходила с котом на ловлю мышей, чтобы мужик нанял осла стеречь свой огород, чтобы у другого мужика змея бралась воспитывать детей, чтобы щука, лебедь и рак впрягались в один воз?»</p>	<p>Отдельная – неохватная – тема: профессиональная критика. Касается процитированного Л. С. Выготским В. Ф. Кеневича – ну кто ещё помнит этого специалиста?!</p>
<p>С. 194 Баснописец никогда не говорит от своего имени, а всегда от имени назидательного и морализирующего, поучающего старика, и часто баснописец совершенно откровенно обнажает этот приём и как бы играет им.</p>	<p>Поначалу меня зацепили слова о «своём имени». По меньшей мере в басне «Бритвы» Иван Андреевич Крылов говорит напрямую от своего имени. Причём этот рассказ вполне мог бы звучать и из уст совсем не старого человека. Да и вообще, что касается замечаний-советов-укоризны – разве только старики их способны озвучивать?</p>
<p>С. 203 Глава 6. «Тонкий яд». Синтез ворона [...] изображена такой глупой, что у читателя создаётся впечатление совершенно обратное тому, которое подготовила мораль.</p>	<p>Могу признаться, лично мне в этой истории не симпатичны ни Ворона, ни Лисица. Бедолагу-Ворону в самом конце немного жаль. Лисицей нисколько не восхищаюсь. Я сильно погрешил против заготовленной морали?</p>
<p>С. 204 мы привыкли к тому, что льстит зависимый</p>	<p>Уж в том, что по крайней мере сейчас дела обстоят не столь однозначно, я уверен: разного рода манипуляторы-рекламщики-</p>

	политтехнологи самым активным образом подлещиваются к потенциальным покупателям, избирателям.
С. 210 конечно, предметом этой басни <<«Синица»> являются “затеи величавы”, а вовсе не скромное правило: не хвалиться делом, не сведя конца...	А по мне, так предмет басни – 1. хвастливость и 2. зеваки.
С. 212 почему [...] вся басня посвящена описанию стрекозы и её жизни и вовсе в басне нет описания мудрой жизни муравья.	Могу признаться: мне с самого момента знакомства с этой историей было жалко Стрекозу. Но ведь если бы И. А. Крылов рассуждал по логике Л. С. Выготского – получилась бы совсем не басня, а какой-то трактат.
С. 218 Было бы совершенно невыносимым со стороны стилистической представить себе, что в евангельской сцене <с отречением Петра> и в сцене «Гамлета» могло бы вдруг появиться соловьиное пение, напротив, крик петуха там оказывается уместным	Не мне решать, что там более или менее уместно. Донесла бы традиция известие, что Пётр трижды отрёкся до утренних трелей соловья (до кваканья лягушек, до стрёкота цикад, до мычанья коров) – всё сложилось бы именно так, а не иначе.
С. 234 Не кажется ли удивительным тот факт, что Крылов, как это засвидетельствовано не однажды, питал искреннее отвращение к самой природе басни	Могу вспомнить по этому поводу мысль Б. Паскаля: «Люди делятся на праведников, которые считают себя грешниками, и грешников, которые считают себя праведниками» [Паскаль, 1994: 374]. Вероятно, в данном жанре И. А. Крылову было тесно. Не этим ли самокритичным отношением задаются редкостные глубина, выразительность его басен?
С. 237 <~По мысли В. А. Жуковского, басня призвана> «запечатлевая в уме нравственную истину, нравиться воображению и трогать чувство».	Стоило бы обратить внимание, что В. А. Жуковский не противопоставляет логику, чувство, мораль – а говорит об их сочетании!
С. 239 басня [...] требует [...] понимания. Этим объясняется, между прочим, тот совет... Тургенева – читать их медленно...	Очень важный совет! Когда лично я вижу очередную рекламу, зазывающую на курсы скорочтения, то задаюсь вопросом: а где-нибудь людей учат медленно чтению? Скорочтение я бы вообще-то сравнил с бегом наперегонки по Эрмитажу.
С. 246 басня представляет собой зерно лирики, эпоса и драмы и заставляет нас силой поэзии, заключённой в ней, реагировать чувством на то действие, которое она развивает.	Здесь можно было бы сказать не «чувством», а «чувствами» – и тут же выйти на сюжет «культура нравственного и эстетического переживания». Даже представленное в главе избирательное обращение к басням «Ворона и Лисица», «Волк и Ягнёнок», «Синица»,

	<p>«Стрекоза и Муравей», «Осёл и Соловей», «Демьянова уха», «Тришкин кафтан», «Пожар и алмаз», «Мор зверей», «Волк на псарне» даёт богатейшую пищу для поиска вариантов того, что переживают герои басен – и что по поводу происходящих с ними событий могут испытывать читатели.</p>
<p>С. 247 Глава 7 «ЛЁГКОЕ ДЫХАНИЕ» От басни переходим сразу к анализу новеллы. В этом неизмеримо более высоком и сложном художественном организме мы встречаемся с композицией материала в полном смысле этого слова</p>	<p>Очень тонкий момент: сложность, в том числе художественного произведения. Чем она задаётся: объёмом информации? Числом задействованных персонажей? Количеством упоминаний в СМИ? А как тогда относиться к редкоземельным элементам? Они менее ценны-значимы, чем широко распространённые? Кроме того, очевидно, есть сложность, так сказать, естественная-уместная, а есть – нарочитая.</p>
<p>С. 254 Представьте себе, что речь идёт об угрозе и затем об исполнении её [...] совершенно иное получится, если мы начнём с рассказа об обнаруженном трупе и только после этого, в обратном хронологическом порядке, расскажем об убийстве и об угрозе.</p>	<p>Суть событий не меняется, причинно-следственные связи остаются. Так что рассказчик волен определять хронологию повествования – лишь бы не передёргивал факты, не был скучен или, наоборот, истеричен. Таких произведений, где хронология как бы нарушена, хоть пруд пруди.</p>
<p>С. 255 исследование телеологии приёма, то есть функции каждого стилистического элемента, целесообразной направленности, телеологической значимости каждого из компонентов, объяснит нам живую жизнь рассказа и превратит его мёртвую конструкцию в живой организм.</p>	<p>А по-моему как раз наоборот – рассказ живёт. И есть большой риск, что попытки разложить его по полочкам сделают из него в лучшем случае чучело.</p>
<p>С. 256 Обратимся к самому рассказу <речь о рассказе И. А. Бунина «Лёгкое дыхание», данном в приложении к книге Л. С. Выготского, на С. 459-466></p>	<p>Могу признаться: для меня по сей час большим вопросом остаются задачи подобного анализа: чтобы помочь ценителям оценить произведение? чтобы помочь художникам творить лучше? Убеждён: психология искусства призвана не в последнюю очередь осмыслить как следует типы искусствоведа-критика и их роль в развитии культуры</p>
<p>С. 262 В самой фабуле этого рассказа нет решительно ни одной светлой черты.</p>	<p>По прочтении рассказа, могу признаться, я почти всплакнул. Но всё же, видимо, я читал его совсем другими глазами, нежели Л. С. Выготский. И мрачного исхода я вовсе</p>

	не предвидел, и Бунинским слогом был подарен мне вполне позитивный настрой.
С. 265 Бунин с беспощадной безжалостностью истинного поэта совершенно ясно говорит нам о том, что это идущее от его рассказа впечатление лёгкого дыхания есть выдумка, заменяющая ему действительную жизнь.	И как только художников-поэтов-писателей не переистолкуют! Лично я, когда читал даже самые первые три строчки о кладбище – ощущал там именно лёгкость. Кстати, не по впечатлениям ли от этого рассказа Жан Ануй позднее создал свой шедевр «Орнифль, или Сквозной ветерок»?
С. 278 Глава 8. ТРАГЕДИЯ О ГАМЛЕТЕ, ПРИНЦЕ ДАТСКОМ почему Гамлет, который должен убить короля сейчас же после разговора с тенью, никак не может этого сделать и вся трагедия наполнена историей этого бездействия? [...] критики ищут причин этой медлительности	На критиков-аналитиков творцу заведомо никак не угодить. Кто-то из них будет сетовать на медлительность героя, кто-то – на скоропалительность. Кстати, какие-то персонажи прославились именно благодаря скоропалительности или доверчивости. Например, Братец Иванушка и Колобок.
С. 279 никакого научного значения все эти толкования не имеют	Вот! Да и писатель-поэт чаще всего не знает, почему персонаж поступил так или иначе. И насколько можно догадаться, сугубая задача психолога – заключается в чём-то наподобие распределения советов-рекомендаций типа «16+», «для переживших утрату», «пострадавшему от предательства», «живущему скучной жизнью», «давно не мечтавшему», «утомлённому от ближайшего окружения», «желающему избавиться от ненужных сомнений».
С. 312 последнюю сцену все считают совершенно удивительной и непонятной развязкой «Гамлета»	Вот интересно – а логику композиторского творчества тоже так взвешивают? Куда нота вскинулась? Откуда аккорд выскочил?
С. 326 если в басне мы открываем два направления внутри одного и того же действия, в новелле – один план фабулы и другой план сюжета, то в трагедии мы замечаем ещё один новый план: мы воспринимаем события трагедии, её материал, затем мы воспринимаем сюжетное оформление этого материала и, наконец, третье, мы воспринимаем ещё один план – психику и переживания героя.	Не знаю, кто как, а я и в частушке вижу разные планы-векторы. Тех героев, про которых там поётся, плюс, конечно – исполнителя. Его задор, мастерство, голос, музыкальность, живые движения. А с другой стороны – кто-то на опере вскоре заснёт.
С. 335 Глава 9. ИСКУССТВО КАК КАТАРСИС	Подход – глубинный, красивый. Но как быть с тем, что (опять напоминаю: жду-не дождусь, когда же будет рассматриваться искусство как ТВОРЧЕСТВО?) искусство бывает очень разным. Не только очищающим-облагораживающим. Это

	может быть лезть, провокация, плевок в душу, навязывание, на худой конец ~ громоотвод. А может быть сухим бизнесом.
С. 339 попробуем сперва дать ответ в самых общих словах на то, чем является чувство как нервный процесс	Очень продуктивный взгляд, который позднее будет разработан Ф. Е. Василюком в работе «Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций)» [Василюк, 1984]. Переживание Василюком рассматривается не как состояние, а как деятельность.
С. 340 С этим взглядом на чувство, как на расход энергии, более или менее согласны авторы самых разных направлений.	Странное дело – в предыдущем абзаце Л. С. Выготский, рассуждая о природе чувства, аж три раза употребил слово «угнетение». А вот я на концерте, в Эрмитаже или глядя на футбол – наоборот, заряжаюсь!
С. 341 <Овсянико-Куликовский:> многие страсти и различные аффекты оказываются настоящим расточительством, душевным мотовством, ведущим к банкротству психики.	Это да. Но многие ≠ все. Так обстоят дела с любой энергией, с любым ресурсом. Которые, лёжа на печи, не сохранишь-не преумножишь.
С. 342 <вновь цитируется Овсянико-Куликовский:> антагонизм душ – мыслящей и чувствующей	Ну кто сказал, кто доказал, что чувства и разум – полюса? В действительности – это два модуса, два вектора, которые можно сочетать-согласовывать.
С. 343 Овсянико-Куликовскому [...] пришлось на деле разделить искусство на две совершенно различные области: на искусство образное и на искусство лирическое.	Любопытно, а куда отнести те произведения, на которые я недавно наткнулся в интернете: американка Кэтлин Райан создаёт серию «Гнилые плоды» из полудрагоценных камней. Эдак кто-нибудь станет создавать духи с ароматом фекалий или вытошненных продуктов.
С. 345 принцип экономии сил если и применим, то, вероятно, по отношению ко вторичному эффекту искусства, к его последствиям, но не к самой эстетической реакции на художественное произведение.	Увы, опять, судя по всему, речь идёт исключительно об экономии сил потребителя искусства. Что же, в этом случае посетителя Эрмитажа везти по залам в коляске? Или рекомендовать ему ознакомиться с экспозицией через интернет?
С. 347 Что касается искусства, то здесь господствует как раз обратный принцип расхода и траты нервной энергии, и мы знаем что чем эта трата и разряд оказываются больше, тем потрясение искусством оказывается выше.	Как хотите – нет тут линейной зависимости. А кроме того – существуют утомление и выгорание. Художника. Исполнителя. Ценителя. И, очевидно, разного рода посредников – Издателей, Критиков, Просветителей.
всякое чувство есть расход души	Точнее – работа души!

	А работа бывает и в радость.
С. 348 необходимо составить себе точное представление о самой природе эстетической реакции.	Вот какой я инерционный! Всё жду и жду – когда же речь зайдёт не о РЕакции, а об АКЦИИ! О СОЗИДАНИИ!
С. 350 в теории Христиансена [...] всякое решительное воздействие внешнего мира имеет своё особое чувственно-нравственное действие	Упомяну Нравственности рад. Но вновь и вновь вспоминаю давно заученное: не только внешний мир воздействует на нас. Человек – существо, способное к адаптационно-адаптивной активности. То есть мы можем и приспособливаться, и приспособлять.
С. 354 Если я переживаю вместе с Отелло его боль, ревность и муки или ужас Макбета при взгляде на дух Банко – это будет соаффект	А почему, всматриваясь в многомерный мир искусства, я не должен сопереживать малолетнему ребёнку бездарного актёра? хозяину убыточного театра? Издателю? Литературному критику? Автору-классику, чью беззащитную драматургию ищущие новизны постановщики бесконечно обновляют-осовременивают-опошляют?
С. 355 <Мюллер-Фрейенфельс:> сострадание совершенно несправедливо называется этим именем, это только в очень редких случаях страдание вместе с кем-нибудь другим, гораздо чаще это есть страдание по поводу страдания другого.	Я не встречал статистики – каких именно переживаний где больше. Причём вариантов тут гораздо больше: Сопереживание, Противопереживание, Непереживание, Недопереживание, Гиперпереживание. Кстати, отзываться ведь можно не только на текст, звучащий из уст актёра, но и на слёзы соседки по партеру, и многое другое, начиная с вешалки или с афиши.
С. 360 По мнению Гросса, как при игре, так и при эстетической деятельности речь идёт о задержке, но не о подавлении реакции.	Наконец-то прозвучало слово ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Не очень развёрнуто – но уже обнадеживает! Ведь насколько понимаю я – даже стоящий возле живописного полотна зритель способен фокусировать внимание, всматриваться в произведение, сопоставлять его с виденными раньше, пытаться не только взвесить собственное впечатление, но и «поймать посыл художника».
С. 362 «Всякое литературное произведение, – говорит он <Э. Геннекен>, – имеет целью вызвать определённые, но не способные непосредственно выразиться действием эмоции...».	Для меня тут есть далеко ещё не решённый вопрос: всякая ли активность человека, в том числе эстетическая деятельность художника, целесообразна? Ведь что-то люди делают, выплёскивая эмоции, что-то – по инерции, на автопилоте, что-то – за компанию.

<p>С. 366 В «Поэтике» он <Аристотель> говорит, что «трагедия есть подражание действию важному и законченному, имеющему определённый объём, при помощи речи, в каждой из своих частей различно украшенной, посредством действия, а не рассказа, совершающее, благодаря состраданию и страху, катарсис подобных аффектов».</p>	<p>Кроме всего прочего, плачущий Герострат у кого-то вызовет омерзение, кого-то, вероятнее всего, ещё больше возмутит-разгневает, кого-то оставит безучастным, кого-то – развеселит.</p>
<p>С. 371 Глава 10. Психология искусства Для нас важно было остановить внимание именно на центральной точке эстетической реакции, указать её психологическую центральную тяжесть, которая послужила бы основным объяснительным принципом при всех дальнейших исследованиях.</p>	<p>Про реакцию уже много раз с грустью писал. В этот раз с такой же грустью задамся вопросом: почему нужно говорить именно о Тяжести? а не о Лёгкости? да мало ли можно метафор приискать, рассуждая на тему психологии искусства.</p>
<p>С. 391 всякая драма, в сущности говоря, есть не законченное художественное произведение, а только материал для театрального представления</p>	<p>Аналогично, жизнь любого выдающегося человека – лишь материал и отправная точка для вольных рассуждений его биографов. Биографы, популяризаторы – весьма важные субъекты, которых бы нужно не забывать при рассмотрении искусства и психологии искусства.</p>
<p>С. 396 Пушкин говорит про Мольера, что у него «лицемер волочится за женой своего благодетеля лицемера, принимает именование под хранение лицемера, спрашивает стакан воды лицемера»</p>	<p>Л. Н. Толстой не переваривал Шекспира. Кант и Гердер многие годы провели в склоках-перепалках. Платон настолько ненавидел Демокрита, что ни разу не упомянул его имя в своих трудах. При изучении психологии искусства нужно быть готовым к подобным «перехлёстам мнений», различая за ними объективные явления-моменты-тенденции-факторы.</p>
<p>С. 401 По его <Бергсона> мнению, «смешон может быть только человек. Если мы смеёмся над вещью или над зверем, то мы принимаем его за человека, гуманизируем его».</p>	<p>Не хотел бы спорить с авторитетами, но навскидку вспоминаю два недавних забавных наблюдения: 1. <в инттертете> слонёнок пытался действовать так, как ему было показано взрослым слоном – и кубарем свалился с полутораметровой высоты; 2. шёл по улице – и откуда-то сверху перед идущим навстречу мужчиной падало перо птицы, а на уровне его груди затормозило и трижды провернулось, прежде чем продолжить падение на асфальт. И прохожий, и я дружно рассмеялись. А что – должны были заплакать?</p>

<p>С. 413 Глава 11. Искусство и жизнь В каком отношении [...] эстетическая реакция стоит ко всем остальным реакциям человека, как в свете этого понимания уясняется роль и значение искусства в общей системе поведения человека?</p>	<p>Да тут, очевидно, всё обстоит ровно таким же образом, как, например, с религией, политикой, наукой. Религия может человека вдохновлять – и вести в крестовые походы; политика людей и объединяет – и сталкивает; наука создаёт вакцину от всё более непредсказуемых болезней – и сама же создаёт какие-нибудь новые виды оружия. То есть, и искусство способно людей как облагораживать, так и толкать в дикость.</p>
<p>С. 420 Искусство относится к жизни, как вино к винограду, – сказал один из мыслителей, и он был совершенно прав, указывая этим на то, что искусство берёт свой материал из жизни, но даёт сверх этого материала нечто такое, что в свойствах этого самого материала ещё не содержится.</p>	<p>Очень красивая аллегория! Правда, если речь идёт об Артуре Шопенгауэре, то эта мысль была высказана чуть по другому адресу. Шопенгауэр писал, что философия относится к искусству, как вино к винограду (глава «О внутренней сущности искусства») [Шопенгауэр, 1910: 418].</p>
<p>С. 421 Тэн говорит: «Для людей XVII века не было ничего некрасивей настоящей горы, она вызывала в них множество неприятнейших представлений, они были утомлены варварством, как мы утомлены цивилизацией» <ссылка на книгу Тэн И. Об искусстве. М, 1922></p>	<p>То есть не только среди русских людей попадаются такие, которые придумали поговорку «Хорошо там, где нас нет». Нытики-ворчуны много где есть. Пожалуй, только не среди долгожителей-аксакалов.</p>
<p>С. 422 Искусство, таким образом, первоначально возникает как сильнейшее орудие в борьбе за существование</p>	<p>Для меня при такой формулировке этого тезиса важно уточнение: борьбе против кого, или против чего? Между прочим, у науки даже больше шансов быть истолкованной как орудие борьбы – против невежества, дикости, мракобесия.</p>
<p>С. 427 Наша нервная система похожа на станцию, к которой ведут пять путей и от которой отходит только один, из пяти прибывающих на эту станцию поездов только один, и то после жестокой борьбы, может прорваться наружу – четыре остаются на станции.</p>	<p>Красивый образ. Но выглядит не слишком-то убедительно. Могу легко представить и иные варианты. В частности, такой: из кого-то, как из переполненной станции, один за другим выходят поезда-пустышки.</p>
<p>С. 428 Такого же, в общем, мнения придерживается и Фрейд, когда смотрит на искусство как на средство примирения двух враждебных принципов – принципа удовольствия и принципа реальности.</p>	<p>Похоже, есть люди, которые везде готовы видеть только вражду... Между правой и левой рукой, между зрением и слухом, между разумом и чувствами, между индивидом и всеми окружающими.</p>
<p>С. 429 «Искусство, – говорит он <З. Фрейд>, – своеобразным путём достигает примирения этих двух принципов. Художник – это</p>	<p>Шишкин, Левитан, Айвазовский, Росси, Монферран – это, значит, люди, отвращающиеся от действительности? Эдак</p>

первоначально человек, отвращающийся от действительности»	и любая пенсионерка, поливающая из лейки клумбу, отвращается от действительности. Лучше бы вообще не давалось объяснений эстетической деятельности, чем давались такие.
С. 432 искусство всегда исходит первоначально из дисгармонии	Как хотите – если поющих во время сбора ягод крепостных крестьянок ещё могу соединить с дисгармонией, то уж интонацию моей родной мамы, которая мне, бывало, пела колыбельную, помню однозначно: там звучали ЛЮБОВЬ, ЛАСКА.
<со ссылкой на А. Залкинда:> «Творец всегда из природы недовольных»	Скорее решусь утверждать что-то подобное не про творцов, а про тех, кто пишет книги об искусстве.
С. 433 Мораль – это то, что связано в нас уздой; в искусстве находит выход именно необузданное нашей природы	Дважды возражу, оба раза про мораль. Даже светофор – совсем не узда. Тем более – высшие героические порывы. А кстати – и простое бескорыстное благоволение.
С. 440 музыка побуждает нас к чему-то	У фоновой музыки, насколько слышан, совсем другое предназначение.
Она <музыка> действует просто катартически	Подробностей не знаю, но встречал правдоподобную информацию о том, что музыка бывает опасная, разрушительная.
С. 442 Искусство есть скорее организация нашего поведения на будущее, установка вперёд, требование, которое, может быть, никогда и не будет осуществлено, но которое заставляет нас стремиться поверх нашей жизни к тому, что лежит за ней.	Важный ракурс. Но – 1. Тут она не специфична. Подобные функции нацеливания на будущее есть и у других сфер культуры: науки, права, религии, морали. 2. Напомню: и книги, и музыка, и кино бывают ой какие разные. В том числе – непотребного содержания и отстойного качества. Лично мне бы совсем не хотелось, чтоб искусство давало обществу установку в ту сторону.
С. 444 <~ Критика предназначена для того>, чтобы направить возбуждённые искусством силы в социально нужное русло.	Обозначается очень существенный ракурс искусства и связей его с общей культурой. Но тут важно не идеализировать в том числе и критику. Увы, надо ли приводить примеры того, как в разные времена критика бывала занята склоками, угодничала перед сильными мира сего, травила тех, кто позднее был признан Художниками с большой буквы.
С. 449 Будущие исследования, вероятно, покажут, что акт искусства есть не мистический и небесный акт нашей души, а такой же	Лично я бы никаких Нобелевских премий и «Оскаров» даже близко не поставил с

<p>реальный акт, как и все остальные движения нашего существа, но только он превосходит своей сложностью все прочие.</p>	<p>обычным девятимесячным вынашиванием ребёнка!</p>
<p>С. 456 «Человек, – говорит Троцкий, – захочет овладеть полубессознательными, а затем и бессознательными процессами в собственном организме: дыханием, кровообращением, пищеварением, оплодотворением – и, в необходимых пределах, подчинить их контролю разума и воли. Жизнь, даже чисто физиологическая, станет коллективно-экспериментальной; человеческий род, застывший homo sapiens, снова поступит в радикальную переработку и станет – под собственными пальцами – объектом сложнейших методов искусственного отбора. [...] Человек поставит себе целью [...] создать более высокий общественно-биологический тип, если угодно – сверхчеловека».</p>	<p>То, что Л. С. Выготскому в финале его рассуждений со слов Л. Д. Троцкого представляется светлой-радужной перспективой, увы тоже очень неоднозначно. Начать с того, что в эту сторону очень даже думали: гитлеровцы во времена Третьего Рейха, Джордж Оруэлл в своём знаменитом романе «1984», хунвейбины в ходе китайской культурной революции, чуть позднее – Пол Пот в Камбодже. Искусственный отбор, подчинение абсолютно всей жизни исчисленным, декретированным сверху алгоритмам, лекалам – привлекательны? А ещё раньше – была так называемая святая инквизиция, бравшая на себя высокую миссию управлять культурой и историей... Словом, в постановке даже высоких целей нужно быть максимально осторожными.</p>

Заключение

Вот уже тридцать с лишним лет назад (в ноябре 1992 г.) в нашем городе проходила конференция «Роль искусства и культуры в воспитании в духе ненасилия». Мне довелось поучаствовать на ней с рассуждениями по теме «Искусство и насилие: вопросов больше, чем ответов» [Зимбули, 1992]. Могу признаться: с течением времени вопросы скорее множатся, чем снимаются. Как, например, соотносятся положительные и опасные для культуры факторы в сфере современных информационных технологий? Насколько объективны новейшие рейтинги в науке и искусстве? Как возможен и насколько полезен диалог между всеми субъектами мира искусства = теми, кто не хочет оставаться к нему равнодушным: художниками, ценителями, посредниками (издателями, организаторами выставок), исследователями (историками, культурологами, искусствоведами, психологами, эстетиками, этиками), политиками, священнослужителями, бизнесменами, правоведами, а даже и представителями теневого сообщества?

В то же время, конечно же, многое и проясняется. В частности – то, что решать сложные вопросы современности уместнее всего не замыкаясь в узкопрофессиональные анклавы, а действуя междисциплинарно, совмещая ценностные векторы и методологию. И в свете такого подхода при ознакомлении с работами коллег, с разных сторон подходящих к ключевым вопросам искусства, его места и роли в культуре (назову только несколько имён: А. П. Валицкая [Валицкая, 2019], А. Л. Казин [Казин, 2022], Н. Э. Гусейнова и О. Н. Левшина [Гусейнова, Левшина, 2020], С. А. Симонова и А. Н. Аверюшкин

[Симонова, Аверюшкин, 2022], А. В. Микляева, Ю. Л. Проект и В. В. Хороших [Микляева, Проект, Хороших, 2021]) – можно увидеть обнадеживающие рассуждения, объективность, глубину, строгость и жизненные стратегии культуротворчества. Ещё раз спасибо Л. С. Выготскому, что своей книгой наводит на рассуждения о важнейших векторах науки и культуры.

Список литературы (References)

1. Аксельрод Л.И. Рецензия на книгу «Материализм и эмпириокритицизм» // Ленин В.И. Сочинения. Т. XIII. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. С. 329-333.

Axelrod L.I. (1936) Review of the book “Materialism and Empiriocriticism”. In: Lenin V.I. Works. VOL. XIII. Moscow: Partizdat. P. 329-333. (In Russ.)

2. Валицкая А.П. Эстетика понимания: Способы созидания миров. СПб.: Алетейя, 2019. 359 с.

Valitskaya A.P. (2019) The Aesthetics of Understanding: Ways to Create Worlds. St. Petersburg: Aletheia Publ. 359 p. (In Russ.)

3. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во МГУ, 1984. 200 с.

Vasilyuk F.E. (1984) Psychology of Experience (Analysis of Overcoming Critical Situations). Moscow: Moscow State University Publ. 200 p. (In Russ.)

4. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Изд-во АСТ, 2019. 479 с.
Vygotzky L.S. (2019) The Psychology of Art. Moscow: AST Publ. 479 p. (In Russ.)

5. Гусейнова Н.Э., Левшина О.Н. Гуманизация образования как фактор совершенствования гражданского общества в России // XXIII Вишняковские чтения. Вузовская наука: условия эффективности социально-экономического и культурного развития региона. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2020. С. 225-228.

Guseinova N.E., Levshina O.N. (2020) Gumanizacija obrazovanija kak faktor sovershenstvovaniya grazhdanskogo obshhestva v Rossii (Humanization of Education as a Factor of Civil Society Improvement in Russia). *XXIII Vishnyakov's Readings. University science: conditions for the effectiveness of the socio-economic and cultural development of the region*. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. P. 225-228. (In Russ.)

6. Зимбули А.Е. Искусство и насилие: вопросов больше, чем ответов // Роль искусства и культуры в воспитании в духе ненасилия (Тезисы докладов четвертой конференции. СПб., 24-26 ноября, 1992). М.: Ассоциация «Педагогика ненасилия», 1992. С. 15-20.

Zimbuli A.E. (1992) Iskusstvo i nasilie: voprosov bol'she, chem otvetov (Art and violence: more questions than answers). *The role of art and culture in education in non-violence (Abstracts of reports from the fourth conference. St. Petersburg, 24-26 November, 1992)*. Moscow: Association “Pedagogic of Nonviolence”. P. 15-20. (In Russ.)

7. Казин А.Л. Наука об искусстве: логос и эстетизис // Временник Zubovskogo instituta. 2022. № 1 (36). С. 11-25.

Kazin A.L. (2022) Nauka ob iskusstve: logos i jestezis (Art science: logos and aesthesis). *Vremennik Zubovskogo instituta = Annals of the Zubov institute*. No. 1 (36). P. 11-25. (In Russ.)

8. Красота и мозг: Биологические аспекты эстетики. М.: Мир, 1995. 335 с.

Beauty and the Brain: Biological Aspects of Aesthetics (1995). Moscow: Mir Publ. 335 p. (In Russ.)

9. Крылов И.А. Басни. Л.: Лениздат, 1976. 126 с.

Krylov I.A. (1976). Fables. Leningrad: Lenizdat. 126 p. (In Russ.)

10. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Сочинения. Т. XIII. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. – 391 с.

Lenin V.I. (1936) Materialism and Empiriocriticism. In: Lenin V.I. Works. VOL. XIII. Moscow: Partizdat. 391 p. (In Russ.)

11. Микляева А.В., Проект Ю.Л., Хороших В.В. Интернет как среда проявления политического поведения современной студенческой молодежи // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. Вып. 4. С. 420-430.

Miklyayeva A.V., Proekt Yu.L., Khoroshikh V.V. (2021) Internet kak sreda projavlenija politicheskogo povedenija sovremennoj studencheskoj molodezhi (Internet as a medium of modern students' political activity). *The Herzen University Conference on Psychology in Education*. Issue 4. P. 420-430. (In Russ.)

12. Паскаль Б. Мысли. М.: REFL-book, 1994. 523 с.

Pascal B. (1994) Thoughts. Moscow: REFL-book Publ. 523 p. (In Russ.)

13. Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини и А. Ауэрбаха. СПб.: Питер, 2003. 2-е изд. 1095 с.

Psychological Encyclopedia (2003). Ed. by R. Corsini and A. Auerbach. St. Petersburg: Peter Publ. 2nd edition. 1095 p. (In Russ.)

14. Сенека. О блаженной жизни // Антология мировой философии. М.: Мысль, 1969. С. 509-519.

Seneca. (1969) On the blessed life. In: Anthology of world philosophy. Moscow: Mysl' Publ. P. 509-519. (In Russ.)

15. Симонова С.А., Аверюшкин А.Н. К вопросу об эстетизации современной культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2022. Т. 24. № 85. С. 73-77.

Simonova S.A., Averyushkin A.N. (2022) K voprosu ob jestetizacii sovremennoj kul'tury (To the question of the aestheticization of modern culture). *The Proceedings of the Samara Academy of Sciences RAS (Russian Academy of Sciences Social Sciences, Humanities, biomedical sciences)*. Vol. 24. No. 85. P. 73-77. (In Russ.)

16. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Полное собрание сочинений. Т. 2. М.: Книжное дело, 1903. 674 с.

Schopenhauer A. (1903) The World as Will and Representation. Complete Works. Vol. 2. Moscow: Knizhnoe delo publ. 674 p. (In Russ.)

17. Эстетика и этика: глоссарий. СПб.: Астерион, 2015. 189 с.

Aesthetics and Ethics: A Glossary (2015). St. Petersburg: Asterion. 189 p. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Зимбули Андрей Евгеньевич – профессор кафедры эстетики и этики ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», доктор философских наук, профессор. Занимается изучением нравственно-ценностных аспектов современной культуры. Автор более 200 научных и учебно-методических работ.

E-mail: zimbuli@yandex.ru

About the author:

Zimbuli Andrey Evgenevich – professor of the Department of Aesthetics and Ethics of the Herzen State University, doctor of philosophical sciences, professor. Engaged in studying of moral and value aspects of modern culture. Author of more than 200 scientific and educational works.

E-mail: zimbuli@yandex.ru

Поступила 05.01.2023; одобрена после рецензирования 29.01.2023; принята к публикации 27.02.2023.

Сетевой электронный научный журнал

Социальные нормы и практики / Social norms and practices

2023. Номер 1.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Издатель: Средне-Волжский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Саранске

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 — 74637 от 24.12.2018

Главный редактор: Е.А. Коваль

Информацию о журнале «Социальные нормы и практики» см. на сайте:
<https://snpractice.ru/>